

Социальные реконструкции

Social Reconstructions
Reconstrucții sociale

Л. Б. Вишняцкий

Вооруженное насилие в палеолите

Keywords: Palaeolithic, Mesolithic, armed violence, embedded projectiles.

Cuvinte cheie: paleolitic, mezolitic, violență armată, vârfuri în oase.

Ключевые слова: палеолит, мезолит, вооруженное насилие, наконечники в костях.

L. B. Vishnyatsky

Armed Violence in the Palaeolithic

The paper deals with the question of the existence and intensity of armed violence at different stages of the Palaeolithic. The first two sections provide a review and analysis of the osteological and representational evidence relevant to the question. The third section considers the problem of changes in the frequency of violence and how, or whether, it can be assessed. With this purpose in mind, the author compiles data on the age and character of all the Palaeolithic and Mesolithic human and animal bones with embedded projectiles, which are available in the literature (tabl. 1 and 2). It turns out that while for the time prior to ~ 15 ka only animal bones with imbedded projectiles are known in the Old World (10 bones of 10 animals from 9 sites in Western and Eastern Europe, Western Asia and Siberia), the subsequent period shows a sharp increase in the number of human bones of the kind, which became nearly as numerous (29 bones of 27 persons from 17 sites) as the animal ones. Given that the quantity of excavated faunal remains is several orders of magnitude greater than the quantity of paleoanthropological finds, the parity in the numbers of projectile-pierced remains may signify some important changes in the dynamics of violence (and social life in general) at the end of the Palaeolithic.

L. B. Vishnyatsky

Conflicte armate în paleolitic

În prezentul articol sunt analizate existența și intensitatea violenței armate la diferite etape ale paleoliticului. În primele două compartimente ale studiului sunt trecute în revistă datele relevante paleoantropologice și artistice. În cel de-al treilea compartiment sunt evaluate schimbările în intensitatea violenței armate în baza materialelor fosile. Au fost colectate și prezentate (tabelul 1 și 2) toate informațiile aflate la dispoziția autorului privind descoperirile de oase de oameni și animale cu fragmente de vârfuri din piatră sau os înfipte în structura osoasă, de pe siturile paleolitice și mezolitice. Din datele prezentate rezultă, că toate descoperirile de acest tip cu vechimea de peste 15000 ani sunt oase de animale (10 oase de la 10 indivizi de pe 9 situri). Dimpotrivă, după limita de 15000 ani proporția se schimbă brusc și numărul de oase umane cu fragmente de arme înfipte în structura osoasă (29 oase de la 27 indivizi de pe 17 situri) devine aproape comparabil cu cantitatea de descoperiri similare pe oase de animale. Având în vedere că numărul de resturi faunistice este de câteva ori mai mare decât cel al descoperirilor antropologice, o asemenea paritate poate reflecta schimbări esențiale în dinamica violenței armate (și în viața comunităților, la general) de la sfârșitul paleoliticului.

Л. Б. Вишняцкий

Вооруженное насилие в палеолите

Статья посвящена вопросу о существовании и интенсивности вооруженного насилия на разных стадиях палеолита. В первых двух разделах даны обзор и анализ палеоантропологических и изобразительных данных, имеющих отношение к этой теме. В третьем разделе рассматривается проблема оценки изменений в интенсивности вооруженного насилия по ископаемым материалам. Собраны и представлены (табл. 1 и 2) все доступные сведения о находках на памятниках палеолита и мезолита костей людей и животных с застрявшими в них фрагментами каменных или костяных наконечников. Показано, что все находки такого рода возрастом старше 15 тыс. лет — это кости животных (10 костей 10 особей с 9 памятников). Напротив, после 15 тыс. лет соотношение резко меняется, и число находок человеческих костей с вонзившимися в них обломками оружия (29 костей 27 индивидов с 17 памятников) почти сравнивается с числом аналогичных находок костей животных. Учитывая, что количество раскопанных фаунистических остатков на несколько порядков превышает количество антропологических находок, такое равенство может свидетельствовать о важных изменениях в динамике вооруженного насилия (и жизни общества в целом) в конце палеолита.

Russian Foundation for Humanities. "Realization of principles of concrete historical approach in Paleolithic studies", no. 12-01-00345a ■ Fundația rusă pentru studii umanitare. „Realizarea principiilor abordării concret-istorice în cercetarea paleoliticului”, nr. 12-01-00345a ■ Российский гуманитарный научный фонд. «Реализация принципов конкретно-исторического подхода в палеолитоведении», № 12-01-00345a.

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© Л. Б. Вишняцкий, 2014.

Вооруженное насилие в палеолите

Насилие с применением оружия, безусловно, имеет очень длительную историю. Вероятно, оно появилось тогда же, когда появилось само оружие. Конечно, это совсем не обязательно была война. Для подавляющего большинства древнейших археологически засвидетельствованных актов использования человеком оружия против другого человека совершенно невозможно установить их социальный контекст, т. е. определить, имели ли в том или ином случае место санкционированные обществом организованные боевые действия между политически автономными группами (собственно война), или же межличностные «разборки» (драка, поединок, просто выстрел или удар «из-за угла»), или ритуальное убийство, или, наконец, казнь. В тексте этой статьи сам термин «война» встречается редко, речь в ней идет о вооруженном насилии как таковом, какие бы формы оно ни принимало.

Понятно, что о распространении, характере и формах вооруженного насилия в бесписьменные эпохи приходится судить, главным образом, на основании археологических, палеоантропологических и этнографических данных. Долгое время ведущую роль здесь играли именно последние — наиболее богатые и, казалось бы, наглядные, — однако с конца прошлого столетия их надежность все чаще ставится под сомнение, а на первый план постепенно выходят ископаемые материалы, пусть и гораздо менее «красноречивые», но зато оставленные обществами, которые еще не могли испытать воздействия цивилизации. Кроме того, источниковедческий потенциал этнографии в данной области почти исчерпан — возможности для получения новых данных или для проверки старых становятся, по понятным причинам, все более и более ограниченными, тогда как массив археологических и палеоантропологических фактов, напротив, растет сейчас едва ли не в геометрической прогрессии, и залежей их хватит еще на многие и многие поколения исследователей.

Отражением переориентации на археологические материалы стало, в частности, появление в последние десятилетия довольно большого числа публикаций, в том числе весьма солидных по объему сборников, посвященных вооруженному насилию в каменном веке. Раньше таких исследований почти не было (если не считать работ о каннибализме, ко-

торый вовсе не обязательно связан с насилием). То есть статей и книг о первобытной войне, насилии и агрессии вышло очень много (есть и прекрасный обзор на русском языке: Шнирельман 1994), но излагались и обсуждались в них преимущественно, а иногда и исключительно этнографические данные, так что речь шла обычно о теоретических вопросах, о войне у ранних земледельцев, о насилии у бродячих охотников-собираателей и т. д., но не о войне в неолите или насилии в палеолите (хотя термины эти, конечно, иногда упоминались). Впрочем, специальных работ о насилии в палеолите и сейчас почти нет, исключая старую сводку М. Роупер (Roper 1969) и несколько статей, посвященных описанию и анализу ряда конкретных палеоантропологических находок (см. ниже), но зато по неолиту и мезолиту литературы уже довольно много (Behrens 1978; Underhill 1989; Vencl 1984; 1999; Аникович, Тимофеев 1998; Christensen 2004; Guilaine, Zammit 2005; Roksandic 2004; 2006; Bar-Yosef 2010; LeBlanc 2010; Schulting, Fibiger 2012 и т. д.).

Конечно, интерпретация ископаемых, т. е. антропологических и археологических, свидетельств вооруженного насилия сопряжена с рядом серьезных трудностей, которые не возникают при работе с «живыми» данными этнографов. Особенно ощутимы эти трудности, когда речь идет о палеолите — эпохе, для которой неизвестны (или, во всяком случае, не могут быть идентифицированы) ни специализированные, предназначенные специально для убийства себе подобных, виды оружия, ни укрепленные поселения, ни погребения воинов, ни массовые захоронения жертв боевых действий или репрессий. Все, что есть в распоряжении исследователей, — это немногочисленные человеческие кости со следами повреждений явно или предположительно насильственного происхождения, а также еще более скудные и очень трудные для истолкования изобразительные сюжеты, в которых при желании и достаточно развитом воображении можно усмотреть сцены схваток и убийств. Обобщению и анализу данных такого рода и посвящена эта статья. В ней сначала дается краткий обзор материалов, могущих пролить свет на вопрос о вооруженном насилии в палеолите, а затем предпринимается попытка найти способ для хотя бы очень приблизительной и общей оценки динамики этого явления на заключительных стадиях рассматриваемой эпохи.

Палеоантропологические данные

Хотя большинство переломов, отверстий, вмятин, царапин и иных механических нарушений, наблюдаемых на человеческих скелетах или изолированных костях палеолитического возраста, имеет посмертное происхождение — либо естественное (геологические процессы, деятельность животных-падальщиков), либо антропогенное (различные ритуальные манипуляции с останками умерших, некрофагия, неосторожность при раскопках или обработке коллекций), — отдельные повреждения с большой степенью вероятности могут быть интерпретированы как прижизненные. Среди них преобладают бытовые и охотничьи травмы, а также дефекты, появившиеся вследствие различных заболеваний, но встречаются и раны, которые можно приписать воздействию ударного или метательного оружия. Некоторые из таких ран трудно, а иногда и невозможно объяснить иначе, однако для большей их части подобное истолкование является лишь одним из нескольких допустимых. Последнее относится едва ли не ко всем случаям, описанным для ранних гоминид (плиоцен, ранний и средний плейстоцен), к большинству случаев, известных для неандертальцев и их современников (конец среднего и первые две трети позднего плейстоцена), и ко многим ранениям, зафиксированным на костях *Homo sapiens* эпохи верхнего палеолита (последняя треть позднего плейстоцена).

Ранние гоминиды

На скелетных остатках ранних гоминид достоверных следов боевого травматизма нет. Полностью исключить вероятность того, что к появлению каких-то из повреждений на костях австралопитеков или *Homo erectus* приложили руки их собратья, нельзя, но и доказать это ни для одной из конкретных находок невозможно. Некоторые повреждения на костях австралопитеков, рассматривавшиеся когда-то Р. Дартом и многими другими авторами как свидетельства насилия с применением орудий (сводку см., напр.: Roper 1969), оставлены, по-видимому, зубами хищных животных и иными естественными агентами. Спорным является и вопрос о происхождении вмятин, отверстий и трещин на черепаках китайских и яванских гоминид конца нижнего и первой половины среднего плейстоцена из Чжоукоудяня (Weidenreich 1943), с место-

нахождения Гунванлин (Caspari 1997), из пещеры Хулу (Shang, Trinkaus 2008) и ряда других пунктов. Точно установить природу этих повреждений пока не удалось — они могут быть, а могут и не быть связаны с насилием. Сторонниками первого варианта решения вопроса предложена захватывающая воображение гипотеза, согласно которой *Homo erectus* Восточной Азии частенько вступали друг с другом в схватки и при этом били противников по голове дубинками, чем якобы и объясняется то обстоятельство, что стенки черепной коробки у представителей данного вида толще, чем у большинства других гоминид (Boaz, Ciochon 2004; 2004a: 81—88, 170—171).

Повреждения, похожие некоторыми своими особенностями на раны, есть и на костях гоминид второй половины среднего плейстоцена — с местонахождения Чепрано в Италии, из пещеры Сима де лос Уэсос в Испании, грота Зуттиех в Израиле и т.д. Наиболее интригующая из находок такого рода, известных для рассматриваемого периода, происходит из Китая. Вмятина от сильного удара тупым предметом идентифицирована в результате нового исследования черепа Мапа 1 (Wu et al. 2011), найденного еще в 1958 г. близ одноименной деревни в провинции Гуандун на юге страны, в одной из пещер отдельно стоящей горы Львиная голова. Возраст черепа, представленного фрагментами нескольких костей, по фауне и термoluminesцентным датам определяется в рамках от конца среднего до начала позднего плейстоцена, примерно от 240 до 130 тыс. л. н. Принадлежал он человеку, видимо, мужского пола (согласно ранним описаниям) на четвертом-шестом десятке лет, таксономическое положение которого остается спорным, как и для всех восточноазиатских гоминид близкого возраста. До недавнего времени их объединяли под маловероятным названием «поздние архаичные люди» (*late archaic humans*), и отчасти эта традиция сохраняется поныне. Вмятина в форме сегмента длиной 14 мм и глубиной до 1,5 мм расположена на чешуе лобной кости примерно в 4 см выше бокового края правой орбиты, а на поверхности эндокрана ей соответствует выпуклость.

По мнению авторов описания, рана, скорее всего, была нанесена человеком. Она зажила, но, по-видимому, на какое-то время получивший ее индивид оказался недееспособным. Расположение раны справа позволяет предполагать, что, если ее нанес человек, то не прямым ударом (если он не был левшой), а, например, бросив камень или какой-то иной предмет.

Еще одна теоретически возможная версия, которую авторы описания не рассматривают, но которая хорошо согласуется с локализацией раны на правой стороне, — это нанесение обладателем данного черепа травмы самому себе в ходе какого-то ритуала, например, оплакивания. Во многих обществах существовали и существуют обычаи, предписывающие выражать скорбь самоистязанием. В частности, они были широко распространены среди аборигенов многих областей Австралии (Берндт, Берндт 1981: 367, 369, 371). Раны, нанесившиеся ими себе в ходе погребальных ритуалов, например, ударами дубинкой, камнями и иными предметами по голове, могли оставлять на костях, и прежде всего на передней части черепа, следы, которые подчас очень трудно отличить от боевых увечий (Webb 1995: 202, 205). Сколь ни маловероятным кажется такой сценарий применительно к гоминидам среднего плейстоцена, его все же следует иметь в виду при интерпретации ран, подобных той, что зафиксирована на черепе Мапа 1.

**Неандертальцы и ранние
(доверхнепалеолитические)
*Homo sapiens***

Большинство механических повреждений, выявленных на костях гоминид этой группы (сводку см., напр.: Wu et al. 2011: table S2), тоже не поддается однозначному истолкованию. Например, углубления явно искусственного происхождения на левом бедре и на подвздошной кости скелета Схул IX (ранний *Homo sapiens*), которые на протяжении более чем полувека со времени их описания (McCown, Keith 1939: 74—75) рассматривали как результат ударов деревянным копьем и использовали в качестве главной иллюстрации вооруженного насилия в среднем палеолите, теперь интерпретируют как посмертные. Их появление по-прежнему объясняют ударом, но не копьем, а, скорее, киркой в ходе раскопок (Churchill et al. 2009: 175—176). Не установлена точно природа травм на черепе Кафзех 11 (Tillier 1999) и ряде других скелетных остатков ранних *Homo sapiens*.

По неандертальцам данных больше, и природа повреждений в некоторых случаях, как будто, понятней. Вообще, если судить по наиболее полно сохранившимся скелетам, то напрашивается вывод, что ни один неандерталец, проживший более 30 лет, не избежал серьезных травм, а некоторые получали их с незавидной регулярностью. От последствий сильных ударов и падений не раз приходилось

оправляться человеку из грота Фельдгофер (повреждены плечевая и затылочная кости), его собратьям из Шанидара (Шанидар 1 — лобная, скуловая и плечевая кости, ключица, стопа) и Кебары (Кебара 2 — пятый грудной позвонок, запястье), обычным делом были переломы ребер (Ля Шапелль, Шанидар 4), рук (Крапина 180, Ля Кина 5), ног (Табун 1, Ферраси 2) и иные несчастья (см., напр.: Estebrook 2009). Среди таких травм имеются и раны, почти наверняка нанесенные колющими предметами. Это проникающие ранения грудной клетки и головы, зафиксированные, соответственно, на скелете Шанидар 3 (Trinkaus, Zimmerman 1982; Churchill et al. 2009; Franciscus, Holliday 2013: 66) и на черепе из Сен-Сезар (Zollikofer et al. 2002). Их обычно рассматривают сейчас как древнейшие достоверные свидетельства вооруженного насилия, хотя, строго говоря, в подобных случаях никогда нельзя полностью исключить вероятность того, что рана не связана с агрессией, а является следствием неосторожного обращения с оружием или несчастного случая на охоте.

Судя по некоторым особенностям отметины (паза) на пораженном ударом девятом левом ребре неандертальца из Шанидара, рана была нанесена лёгким метательным оружием дальнего действия, вроде дротика, оснащённым каменным наконечником (Churchill et al. 2009). Поскольку считается, что сами неандертальцы таким оружием не обладали, высказывалось предположение, что в данном случае мы можем иметь дело со свидетельством межвидового конфликта с *Homo sapiens*. На самом деле, однако, если данная рана действительно была нанесена дротиком, то это, скорее, должно рассматриваться как свидетельство наличия метательного вооружения у местных неандертальцев, поскольку никаких следов присутствия в Загросе (и в западной части Азии в целом) в соответствующий период людей современного анатомического типа пока не выявлено.

В связи с темой «межвидового конфликта» вспоминается старая гипотеза Г. Клаача, который полагал, что доказательством войны между неандертальцами и современными людьми являются находки из Крапины. «Пока что, — писал он, — это единственное место, где были обнаружены кости обоих типов людей ледникового периода, причём состояние этих костей позволяет сделать вывод, что здесь произошла битва за овладение пещерой» (Klaatsch 1920: 325). Однако уже современникам Клаача было ясно, что нарисованная им картина во мно-

гом фантастична, а спустя всего несколько лет она стала казаться и вовсе невероятной. «В настоящее время никто уже не думает серьезно о “сражении при Крапине”, где гориллоидные западные неандертальцы и пришедшие с востока орангоидные ориньякские люди (т.е. *Homo sapiens*) сражались и победители пожирали побеждённых»¹ — заметил по этому поводу не без иронии Г. Вейнерт. Если каннибализм в Крапине и имел место, подчеркнул он далее, то и съеденные, и те, кто их ел, были неандертальцами (Вейнерт 1935: 231).

Действительно, сегодня мы знаем, что неандертальцы, чьи кости обнаружены в Крапине, жили задолго — за десятки тысяч лет — до того, как в Европе появились первые *Homo sapiens*. Были ли они каннибалами — неизвестно, а если и были, как их сородичи из пещер Муля-Герси во Франции (Defleur et al. 1999) и Эль-Сидрон в Испании (Rosas et al. 2006), то из этого еще не следует, что они враждовали между собой и убивали друг друга. Во всяком случае, в двух только что названных случаях, где факт каннибализма считается установленным, доказать его связь с насилием невозможно. Он мог быть просто частью погребального ритуала. Сколько-нибудь надежно идентифицируемых следов поражения оружием на костях из Крапины нет, и некоторые исследователи считают, что вообще почти все наблюдаемые на них повреждения возникли под воздействием естественных факторов, таких, как давление пещерных отложений, скальные обвалы или, например, обглаживание человеческих останков животными падальщиками (Orschiedt 2008). Другие придерживаются противоположного мнения, указывая, в частности, на то, что «как количество, так и распределение травм на лобных, теменных и затылочных костях из Крапины вписываются в картину, характерную для тех групп охотников-собирателей, где межличностное насилие является, как кажется, главной причиной черепных травм» (Estabrook, Frayer 2013: 85).

Homo sapiens верхнего палеолита

Для этой группы количество достоверных палеоантропологических свидетельств вооруженного насилия намного больше, чем для предыдущей, но в подавляющем своем большинстве они относятся к финалу рассматри-

ваемой эпохи, ко времени позднее последнего ледникового максимума (после 18 тыс. л.н.). К этому же времени относятся и все известные в палеолите человеческие кости с застрявшими в них каменными или костяными наконечниками (см. табл. 1). Для предшествующего периода данные скудней, а надежно идентифицируемые следы ран от оружия единичны.

В 2009 г. следы раны, нанесенной, почти наверняка, оружием, были выявлены на первом грудном позвонке мужчины из знаменитого погребения в Сунгире (см. Trinkaus, Buzhilova 2012), обнаруженного еще в 1964 г. Погребение традиционно относили к средней поре верхнего палеолита, что подтверждала и большая серия радиоуглеродных дат от 20 до 28 тыс. л.н. (кал 24—32), но последние датировки, выполненные с применением усовершенствованной методики очистки образцов, предполагают древность от 32,5 до 38 тыс. л.н. кал. (Nalawade-Chavan et al. 2014). Возраст погребенного, скорее всего, около или немногим более 50 лет. Повреждение локализуется в области левой передне-боковой части позвонка и представляет собой несквозное отверстие длиной 10 мм, шириной 1—2 мм и глубиной до 6 мм, оставленное проникшим в костную ткань остроконечным тонким предметом. По хорошо аргументированному мнению авторов публикации, появление данного повреждения после погребения или тем более раскопок исключено, а после смерти в ходе погребального обряда крайне маловероятно. Положение отверстия, предполагающее, что причинивший рану предмет прошел через нижнюю часть шеи (над левой ключицей), и отсутствие каких бы то ни было следов заживания говорят о том, что рана, скорее всего, оказалась смертельной (причем смерть последовала незамедлительно). Нанесена она была, видимо, копьем или ножом и может с большой долей вероятности рассматриваться как результат акта насилия, хотя нельзя полностью исключить версию самоубийства или просто случайности. В качестве возможных контекстов акта насилия рассматриваются межгрупповое столкновение (война), внутригрупповой конфликт, ритуальное убийство и казнь. Наиболее правдоподобными авторы считают вторую версию (внутригрупповой конфликт) и версию случайности. От смертельной раны, нанесенной колющим предметом в область таза, и последующего сильного кровотечения мог умереть и подросток, скелет которого обозначают как Сунгирь 2 (Buzhilova 2005).

Для ранней и средней поры верхнего палеолита западной и центральной Европы (ори-

¹ Клаач полагал, что разные формы людей произошли от разных форм человекообразных обезьян.

ньяк, граветт и синхронные им индустрии), а также для современных им культур внеевропейских регионов явных свидетельств боевого травматизма нет. М. Бреннан (Brennan 1991), проанализировавшая останки 209 людей среднего и верхнего палеолита юго-западной Франции, пришла к выводу, что следов ранений на их костях совсем немного, а те, которые есть, можно с равной долей вероятности объяснить как насилием, так и несчастными случаями. В пользу второго из этих двух возможных объяснений говорит полное отсутствие в изученной выборке повреждений от парирования ударов, а также ран на левой стороне головы.

По-разному можно объяснить и повреждения на костях из Дольни Вестониц в Чехии. Б. Клима предположил, что двое индивидов из тройного погребения, найденного на этом памятнике, встретили насильственную смерть, отметив также в этой связи и три заживших раны на лобной кости мужчины из одиночного погребения, открытого в 1987 г. (Klíma 1988: 835). Впоследствии в изложении некоторых авторов эта гипотеза приобрела вид доказанного и притом раздутого факта (см., напр.: Boesch 2009: 141²). Напротив, Д. Анри-Гамбье, проанализировавшая эти материалы, пришла к заключению, что травматизм в данном случае вполне мог иметь бытового характер, и что вообще раны, нанесенные оружием, на граветтских костях отсутствуют или редки (Henry-Gambier 2008: 170).

Еще одним памятником, который часто фигурирует в литературе в связи с темой вооруженного насилия в палеолите, является Машицкая пещера в южной Польше. Здесь в хорошо сохранившемся культурном слое среднего мадлена наряду с каменными и многочисленными костяными орудиями найдено около 50 фрагментов как минимум 16 человеческих черепов, залегавших среди костей животных. На них были идентифицированы следы резания, скобления и даже скальпирования, что исследователи стоянки сочли достаточным основанием для того, чтобы говорить

не только о «каннибализме, ориентированном в основном на поедание мозга» (Kosłowski, Sachse-Kosłowska 1993: 170)³, но и об уничтожении обитателей пещеры врагами. То обстоятельство, что наряду с местным на памятнике представлен днестровский и вольнский кремль, позволило «разоблачить» вероятного агрессора — людей молодовской культуры или восточного граветта, «которые могли не слишком благосклонно смотреть на пришельцев с далекого запада» (Kosłowski, Sachse-Kosłowska 1993: 170). Сейчас материалы Машицкой пещеры пересматриваются, и, как пишет П. Петтит со ссылкой на устное сообщение Й. Оршидта, судя по первым результатам, их интерпретация может измениться (Pettitt 2011: 273).

Если материалы Машицкой пещеры и других мадленских или синхронных мадлену памятников допускают разные интерпретации, то для последующего периода, т. е. для финала позднего палеолита, имеются очевидные и неопровержимые свидетельства вооруженного насилия. Это, прежде всего, скелетные остатки людей с застрявшими в них фрагментами оружия. Такие находки были сделаны в Европе (Сан Теодоро, Грот Детей, возможно, Монфор), Африке (Джебел Сахаба) и на Ближнем Востоке (Кебара). О них еще будет говориться ниже (см. табл. 1). Кроме того, именно с этого или чуть более раннего времени в погребениях начинают встречаться, иногда в довольно большом числе, каменные и костяные наконечники, которые, судя по их положению среди костей (между ребер, в тазу, внутри черепа), в момент захоронения могли находиться в теле (в мягких тканях) погребаемых. Древнейшая из получивших признание находок такого рода, скелет с местонахождения Вади Куббанья в Египте (Wendorf, Schild 1986), имеет возраст около 21 тыс. л. н., но в основном они относятся к финальному палеолиту (после примерно 15 тыс. л. н.) и послепалеолитическому времени. Конечно, далеко не всегда можно доказать, что эти вещи не являлись просто частью погребального инвентаря, хотя такое предположение не очень хорошо увязывается, например, с их частым присутствием в женских и детских захоронениях.

Разумеется, встречаются на костях завершающей стадии палеолита и менее «красноречивые», предположительные свидетель-

² На этой же странице своей в целом очень интересной книги К. Бёш сообщает читателю, что в Гримальди, в погребении возрастом древнее 24 тыс. л. н., найден скелет ребенка с застрявшим в позвоночнике наконечником. Это, конечно, недоразумение. У одного из младенцев, похороненных в Гроде Детей в Гримальди, в позвонке действительно застряло кремневое острие, но захоронение это относится не к граветту (хотя граветтские погребения в гроте тоже есть), а к эпиграветту, т. е. к самому концу позднего палеолита (см. табл. 1).

³ Для мадлена известны и другие случаи вероятного каннибализма (Bello et al. 2011).

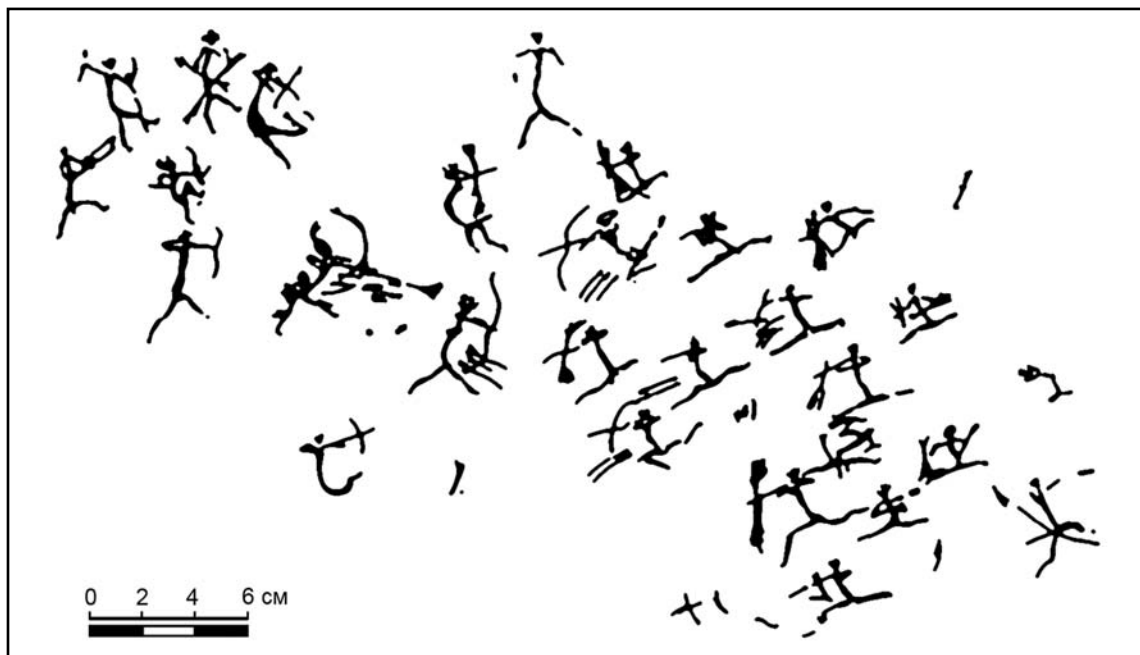

Рис. 1. Сцена битвы. Неолит (?). Наскальное искусство Испанского Леванта (по Nash 2005: fig. 1c).

Fig. 1. Battle scene. Neolithic (?). Rock art of the Spanish Levant (from Nash 2005: fig. 1c).

ства вооруженного насилия, подобные тем, что описаны выше для более ранних эпох. Например, в могиле XII финальнопалеолитического некрополя в пещере Тафоральт (Марокко, 11—12 тыс. л.н., иберо-мавская культура) на черепах 2 из 5 погребенных зафиксированы повреждения в виде глубоких вмятин и трещин от удара или давления небольшим тупым предметом (галькой, концом палки и т.д.). На черепе ребенка 3—4 лет они локализируются на лобной и правой теменной костях, а на черепе мужчины зрелого (возможно, близкого к преклонному) возраста — над левой глазницей и в правой верхней части лобной кости (близ сочленения ее с теменной и височной костями). Следов заживления нет. Были ли эти повреждения нанесены уже после смерти в процессе осуществления с трупами неких ритуальных действий (следов таких действий много и на этих, и на других костях из Тафоральт), или же они представляют собой результат насилия и явились причиной смерти, точно не установлено, но последний вариант вполне вероятен (Belcastro et al. 2010).

Завершая краткий обзор палеоантропологических свидетельств вооруженного насилия в верхнем палеолите, можно еще отметить, что половозрастной состав ряда двойных и тройных погребений граветтского (Дольни Вестоницы, Барма Гранде, Сунгирь и др.) и более позднего (Грот Детей) возрас-

та, вкупе с анатомическими особенностями захороненных в них людей, наводит многих исследователей на мысль о том, что эти люди (или, по крайней мере, некоторые из них) были умерщвлены в ходе жертвоприношений (Бужилова 2004; 2005: 86; Formicola 2007; Taylor 2002: 213). Эта гипотеза сама по себе очень интересна, хотя и труднодоказуема⁴. К числу европейских материалов, обычно используемых для ее обоснования, можно добавить еще довольно необычный скелет, найденный на памятнике Вади Матаха на юге Иордании и относящийся к периоду геометрического кебарана (16,5—17,5 кал. тыс. л.н.). Его обозначают как F-81. Принадлежит он мужчине 35—55 лет, необычайно маленького для данной эпохи и данного региона роста (155 см), но физически хорошо развитому. Он лежал лицом вниз, а руки и ноги находились за спиной в таком положении, как если бы при погребении они были связаны (руки привязаны к загнутым назад ногам). Других погребений в такой позе для эппалеолита Ближнего Востока неизвестно. Костяк сопровождает

⁴ Критикуя ее, Д. Анри-Гамбье, в частности, замечает (со ссылкой на исследование А. Тестара), что по этнографическим данным жертвоприношения фиксируются только в обществах с достаточно развитой социальной иерархией (Henry-Gambier 2008: 182). Утверждать существование таковой в позднем палеолите достаточных оснований нет.

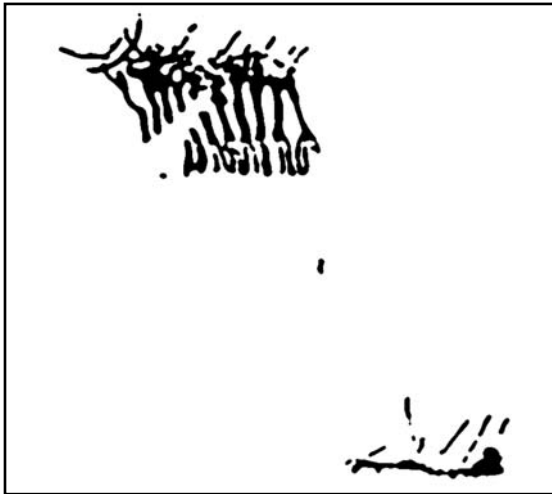

Рис. 2. Сцена казни. Неолит (?). Наскальное искусство Испанского Леванта (по Nash 2005: fig. 3).

Fig. 2. Execution. Neolithic (?). Rock art of the Spanish Levant (after Nash 2005: fig. 3).

ла дырявая каменная чаша (у таза) и длинная кремневая пластина. Рядом находились также фрагменты детского скелета, т. е. захоронение можно считать парным. Скелет F-81 представлен почти целиком, череп хорошо сохранился, но на лобной кости имеется крупное овальное отверстие, которое «могло быть результатом перимортальной модификации» (Stock et al. 2005).

Изобразительные данные

Древнейшими достоверными изображениями актов вооруженного насилия — войны (рис. 1) и казней (рис. 2) — долгое время считались сцены, представленные в наскальном искусстве испанского Леванта, которые многие датировали мезолитом. Предполагалось даже, что они могут отражать конфликты между людьми разных рас (Beltrán 1982: 48—51; Nash 2005: 82). Однако давно замеченное сходство между изображениями животных на скалах, с одной стороны, и на керамике с пещерной стоянки Кова дель Ор, с другой, а также результаты абсолютного датирования оксалатных корок на некоторых панелях (Ruiz et al. 2006) почти не оставляют сомнений в том, что левантийское наскальное искусство вообще и батальные сцены, в частности, относятся к неолиту (López-Montalvo 2011: 19). Частично, по мнению некоторых исследователей, они могут датироваться и еще более поздним временем — энеолитом и даже бронзовым веком (Hernández Pérez et al. 1995: 282—284, по Monk 1997: 25). Возможно, древнейшими из известных в настоящее время сцен во-

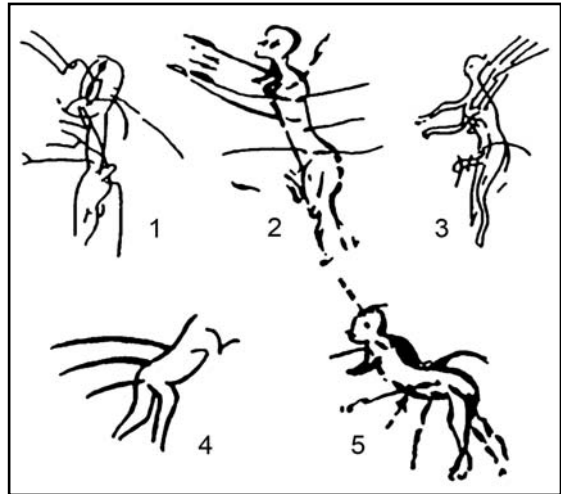

Рис. 3. Антропоморфные фигуры, нарисованные палеолитическими художниками на стенах пещер и иногда интерпретируемые как изображения людей, пораженных оружием (по Dams 1984). 1 — Пальиччи (Италия); 2 — Пеш-Мерль (Франция); 3 — Су-Гран-Лак (Франция); 4, 5 — Куньяк (Франция).

Fig. 3. Anthropomorphs depicted by Palaeolithic artists on cave walls and sometimes interpreted as representations of armed violence (modified from Dams 1984). 1 — Paglicci (Italy); 2 — Pech Merle (France); 3 — Sous-Grand-Lac (France); 4, 5 — Cougnac (France).

оруженного насилия являются рисунки сражающихся людей из северной Австралии, для которых постулируется возраст около 10 тл (Taçon, Chippindale 1994).

Что касается палеолитического искусства, то сцены вооруженных схваток в нем неизвестны, а абсолютно все сцены, в которых те или иные авторы усматривают изображения пораженных копьями или стрелами людей

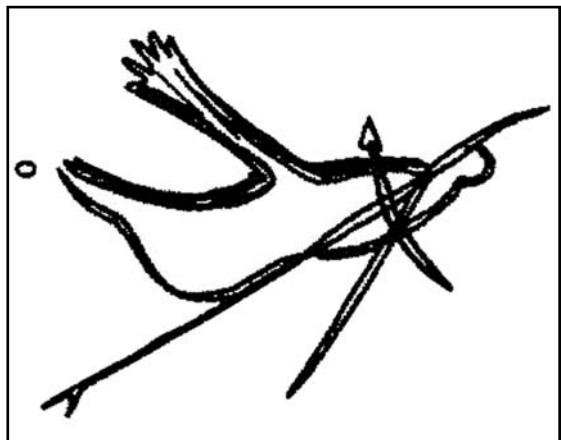

Рис. 4. Антропоморфная фигура (или тюлень?) из пещеры Коске в несколько вольной прорисовке Р. Гатри (Guthrie 2005: 182).

Fig. 4. Anthropomorph (or a seal?) from Cosquer in an artistic drawing made by R. Guthrie (Guthrie 2005: 182).

№1. 2014

Рис. 5. Су-Гран-Лак. Та же фигура, что на рис. 3: 3, но вместе с контекстом (по Delluc, Delluc 1971: 249, fig. 3).

Fig. 5. Sous-Grand-Lac. Same figure as in fig. 3: 3, here shown in context (from Delluc, Delluc 1971: 249, fig. 3).

(рис. 3), с легкостью допускают и иные интерпретации. Например, часто упоминаемая в связи с темой насилия «падающая» антропоморфная фигура из пещеры Коске (рис. 4), свидетельствующая, по мнению Ж. Клотта и Ж. Куртена, о том, что «убийство и смертная казнь уже играли определенную роль и в идеологии, и в обычаях тех дней» (Clottes, Courtin 1994: 155), может на самом деле представлять собой изображение тюленя, которые имеются в Коске в большом количестве. О возможности такого «прочтения» упоминают и авторы цитированной работы.

В пещерах Пеш Мерль и Куньяк есть три изображения, где линии подходят вплотную к человекоподобным фигурам или проходят сквозь них (рис. 3: 2, 4, 5). Иногда эти линии рассматривают как стрелы, а изображения в целом — как сцены вооруженных конфликтов. Леруа-Гуран считал их изображениями людей, пронзенных стрелами (Leroi-Gourhan 1968: 323—325). Очевидно, однако, что такая интерпретация этих сцен не является ни бесспорной, ни единственно возможной, и большинство описывающих их авторов избегают употреблять термин «стрелы», отдавая пред-

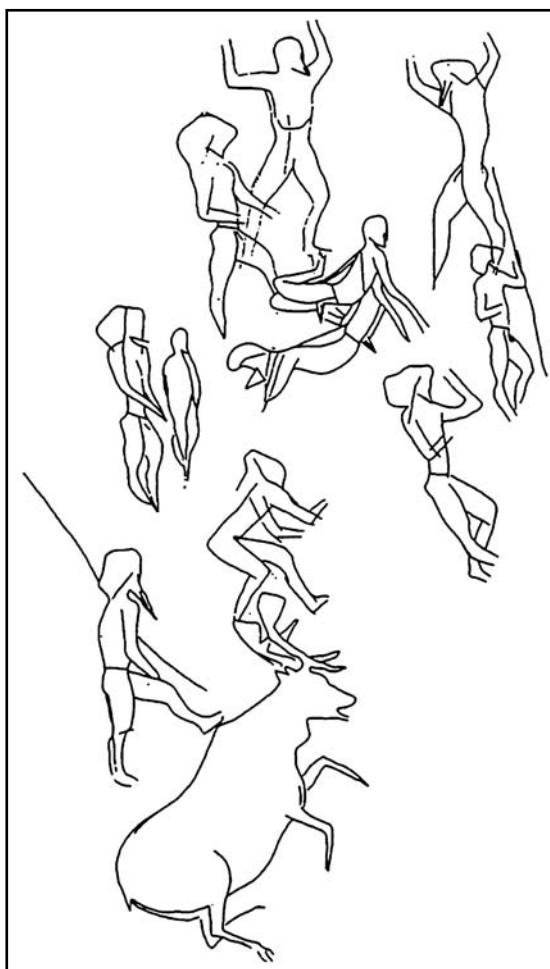

Рис. 6. Загадочная сцена из сицилийской пещеры Аддаура (по Mezzena 1976: 63, fig. 1).

Fig. 6. Enigmatic scene from Addaura cave in Sicily (from Mezzena 1976: 63, fig. 1).

почтение более нейтральным определениям (см., напр.: Bahn, Vertut 1988: 152—153; Guthrie 2005: 182—183, 422). Это в равной степени относится и к подобным же рисункам из Пальиччи (рис. 3: 1), Су-Гран-Лак (ср. рис. 3: 3 и рис. 5), Гурдана, Бедейяка и еще ряда пещерных памятников западной Европы.

Особняком стоит изображение из сицилийской пещеры Аддаура (рис. 6), относящееся либо к самому концу палеолита, либо к мезолиту. Его иногда трактуют как сцену убийства или жертвоприношения (жертвы — две фигуры в центре). Согласно другим трактовкам, это может быть сцена инициации, гомосексуального полового акта, шаманского ритуала и т. д. (Mezzena 1976).

Р. Гатри обратил внимание на отсутствие среди изображавшихся палеолитическими художниками предметов щитов, которые широко представлены в наскальном искусстве более поздних эпох (в том числе в рисунках буш-

менов Южной Африки, аборигенов Австралии и американских индейцев). Он придает этому большое значение, и, видимо, не напрасно. Рассуждения Гатри на этот счет стоит процитировать полностью: «Судя по тому, как часто мы находим военные сцены в постпалеолитическом искусстве, войны и битвы были для людей племенных обществ захватывающей темой. В палеолитическом же искусстве отсутствуют не только батальные сцены, но и еще кое-что — в нем нет изображений щитов! В отличие от копья, щит является вещью, специализированной для особого использования. Его единственное назначение — защита, отражение нападений со стороны людей. (...) Учитывая преобладание тестостероновой тематики в палеолитическом искусстве, мы можем быть уверены, что, если бы у людей этой эпохи были щиты, то, скорее всего, были бы и их изображения. Но их нет. Почему? Наиболее экономичное (*parsimonious*) объяснение состоит в том, что их отсутствие в искусстве отражает отсутствие самих этих предметов в палеолитической жизни. Если смертоносное насилие имело место в основном на индивидуальном уровне, внутри групп, и притом, возможно, редко, то щит был бесполезен, а ношение его слишком обременительно» (Guthrie 2005: 422).

Разумеется, отсутствие в иконографии палеолита достоверных изображений вооруженных конфликтов и иных сцен насилия не означает, что в жизни людей этого времени такие явления тоже отсутствовали. Популярность батальных сцен в искусстве вовсе не обязательно отражает степень воинственности общества. Например, судя по некоторым палеоантропологическим данным, вооруженные столкновения в неолите Италии были более частым (или масштабным) явлением, чем в энеолите (Robb 1997), тогда как оружие и воины встречаются в посленеолитической иконографии гораздо чаще. Таким образом, в данном случае, как, вероятно, и в некоторых других, «воспевание насилия» могло находиться, по выражению Л. Уолкера, «в обратной пропорциональном отношении с его частотой» (Walker 2001: 587).

Острия в костях

В той же статье, цитатой из которой заканчивается предыдущий раздел, Л. Уолкер делает замечание, напрямую связанное с темой этого раздела. «Мы знаем, — пишет он, — что на протяжении преистории многие люди приняли смерть от рук других людей, но име-

ющиеся материалы почти всегда недостаточны даже для грубой оценки того, как частота подобных актов насилия варьировала во времени и пространстве» (Walker 2001: 584). Уолкер говорит о преистории в целом, но вряд ли следует специально доказывать, что особенно ограничены возможности такой оценки для эпохи палеолита. Дело здесь не только в относительной скудости материалов, могущих быть привлеченными для решения рассматриваемой проблемы, и не только в гораздо худшей, по сравнению с более поздними периодами, их сохранности, но и в характере орудий, которые на протяжении большей части палеолита могли использоваться в качестве оружия. От удара камнем или палицей — неважно, брошенными или зажатыми в руке атакующего — на пораженном участке скелета остаются следы, которые гораздо труднее отличить от бытовых травм или посмертных повреждений, чем следы ран, нанесенных колющим оружием, оснащенным острыми каменными или костяными наконечниками (копья, дротики, стрелы, кинжалы). Такое оружие, судя по археологическим данным, появляется не раньше второй половины среднего палеолита, а возможно, лишь в конце среднепалеолитической эпохи. Это значит, что вероятность выявления достоверных следов вооруженного насилия для предшествующих миллионов лет нашей истории очень мала, и что оценивать роль этого явления в жизни гоминид плиоцена, раннего и среднего плейстоцена и впредь в основном придется на основе отдаленных аналогий (привлекая данные приматологии, этологии и т.д.) и отвлеченных рассуждений, а не путем сопоставления фактов.

Для позднего плейстоцена, и особенно его заключительного отрезка, ситуация несколько иная. В это время уже существует и постепенно получает все большее распространение ударное и метательное оружие с каменными и костяными наконечниками. Последние, попадая в кость, если и не застревают в ней, то оставляют повреждения, происхождение которых часто можно установить с высокой степенью надежности. По этномедицинским данным, собранным в 70-е и 80-е годы прошлого века на Новой Гвинее, примерно каждая десятая стрела, попавшая в тело человека, оставляет след на костях (остальные поражают только мягкие ткани: Van Gurp et al. 1990). Согласно результатам экспериментов, проводившихся уже в нашем столетии (кости животных поражали стрелами с кремневыми наконечниками), при попадании в све-

жую кость почти в половине случаев наконечники или, точнее, их обломки застревают в ней, хотя нередко они настолько малы, что обнаружить их невооруженным глазом трудно (Smith et al. 2007: 546). Следовательно, можно ожидать, что появление метательного оружия с прочными острыми наконечниками отразится в появлении костяков с вонзившимися в них фрагментами каменных или костяных острий. Как уже говорилось выше, это действительно произошло: для финала позднего палеолита такие находки известны в Европе, Северной Африке и Западной Азии. Но почему они неизвестны для предшествующего периода? Это может объясняться просто случайностью, т.е. малой репрезентативностью имеющихся материалов и недостаточной их исследованностью, это может объясняться также массовым распространением более эффективного вооружения, т.е. сменой копье-металки луком, либо же, наконец, это может означать, что 15—16 тыс. л.н. в жизни части человеческих обществ произошли какие-то изменения, повлекшие рост числа вооруженных конфликтов.

Первую версию ответа на поставленный вопрос рассматривать бесполезно: время, как говорится, покажет. Вторую версию позволяют оценить две следующие группы фактов. Во-первых, хотя в отдельных районах лук мог появиться еще в середине верхнего палеолита и даже раньше, повсеместное его распространение приходится именно на финал этой эпохи. Во-вторых, сравнение результатов поражения мишеней одинакового размера с одинаковых расстояний посредством лука и копье-металки современными спортсменами показало, что первый вид оружия дает гораздо большую точность и кучность стрельбы, причем разница в его пользу растет по мере увеличения расстояния до цели. (Bettinger 2013: 119—121). Кроме того, скорость стрельбы лучников намного выше. Копье-металка же «не только медленнее: бросок с ее помощью, подобный теннисной подаче, почти наверняка вспугивает дичь, так что повторный бросок становится бесполезен, тогда как гораздо более тихий лук часто позволяет сделать второй и даже третий и четвертый выстрел» (Bettinger 2013: 121). Таким образом, вторая версия в свете имеющихся археологических и экспериментальных данных кажется вполне правдоподобной. Она, однако, совсем не противоречит третьей. Есть ли способ как-то проверить третью версию? Ответ на этот вопрос можно получить, сопоставив данные, приведенные в таблицах 1 и 2.

В таблице 1 сведена имеющаяся в литературе информация о находках в Старом Свете человеческих костей с вонзившимися в них фрагментами наконечников. В таблице 2 представлена информация по аналогичным находкам костей животных. Для увеличения размера выборок в обе таблицы включены не только палеолитические, но и мезолитические объекты такого рода. Какие-то находки, возможно, были упущены из виду (особенно это вероятно для костей животных), но вряд ли таких пробелов много. При составлении таблиц использовались данные из более ранних сводок (Cordier 1990; Vencl 1991; Нужный 2008), сопоставлявшиеся, когда это было возможно, с первоисточниками и дополненные, естественно, новыми сведениями, опубликованными в последние годы.

При сравнении таблиц обращают на себя внимание, прежде всего, два обстоятельства. Во-первых, это полное отсутствие человеческих костей с вонзившимися в них наконечниками в период ранее 15 тыс. л.н.⁵, при относительной многочисленности таких костей животных (как минимум 10 костей от 10 особей с 9 памятников западной и восточной Европы, западной Азии и Сибири). Во-вторых, это резкое изменение количественного соотношения двух групп находок в период после 15 тыс. л.н., т.е. в конце позднего палеолита и в мезолите: 29 костей 27 индивидов с 17 памятников против 56 костей (32 из них с одного памятника) 20 с лишним особей с 18 памятников. Приблизительное равенство цифр в данном случае поразительно. Не может же быть, чтобы в конце палеолита люди вдруг стали охотиться на себе подобных так же, как на животных! Конечно, отчасти столь странная картина может объясняться тем, что антропологические материалы изучают обычно гораздо тщательнее, чем фаунистические. Часть засевших в костях животных обломков оружия наверняка осталась незамеченной (особенно в коллекциях из старых раскопок). Однако крайне маловероятно, что дело лишь в этом. Ведь общее количество раскопанных на палеолитических и мезолитических стоянках костей

⁵ Р. Гатри пишет о плохо сохранившемся черепе из Voil-Vlu, Франция, «вероятно, ориньякского возраста, с маленьким кремнем, вонзившимся в височную кость» (Guthrie 2005: 422), но это, скорее всего, недоумение. Ни других упоминаний о такой находке, ни даже упоминаний об ориньякском памятнике с таким названием найти не удалось.

Таблица 1.

**Находки костей палеолитических и мезолитических людей
с вонзившимися в них наконечниками на археологических памятниках
Старого Света**

Памятник	Датировка (культурная или абсолютная)	Возраст и пол	Орудие	Локализация и характер раны	Источник
Кебара, Израиль	ранний натуф, 14,5— 13 тыс. л.н.	зрелый мужчина	обломок сег- мента (рис. 7)	Вошел спереди снизу или слева, через сердце или легкое, вонзился на не- сколько мм в 7-й или 8-й грудной позвонок; рана смертельная	Bosquentin, Bar-Yosef 2004
Сан Теодоро, Сицилия, Италия	эпиграветт, 14—13 тыс. л.н.	взрослая женщина (?)	дистальный конец острия с притуплен- ным краем	Вошел на глубину до 5 мм в край правой подвздош- ной кости; рана не смер- тельная	Bachechi et al. 1997
Грот Детей в Гримальди, Италия	эпиграветт, 13 тыс. л.н.	ребенок (2—3 года)	кремневое острие	В одном из грудных по- звонков; рана, вероятно, смертельная	Henry- Gambier 2005
Монфор, Франция	Мадлен или азиль	молодой индивид	кварцитовая пластина треугольных очертаний	Вошла через легкое спереди слева, чуть сверху вниз, пробила тело груд- ного позвонка и проникла на 2—3 мм в спинномоз- говой канал; рана смер- тельная	Bégouën et al. 1922
Джебел Сахаба, Судан	каданская культура, 14—13 тыс. л.н.*	взрослый мужчина	2 каменных обломка без ретуши	Оба в задней (Wendorf 1968: 967) или боковой Wendorf 1968: 990) поверх- ности левой подвздошной кости	Wendorf 1968: 967, 990
там же	то же	взрослая женщина	каменный обломок без ретуши	В задней поверхности 1-го грудного (Wendorf 1968: 967) или в нейральной дуге 1-го поясничного (Wendorf 1968: 990) позвонка	Wendorf 1968: 967, 990
там же	то же	пожилой мужчина	каменный обломок без ретуши	Один в грудном позвон- ке**, второй вошел слева в лобковый симфиз	Wendorf 1968: 973—974, 990
там же	то же	молодая женщина	отщеп с при- тупленным краем	В правом 4-м ребре близ позвонка	Wendorf 1968: 978
там же	то же	молодая женщина	каменный осколок	В нейральной дуге грудно- го позвонка	Wendorf 1968: 981, 990
Эль Башир, Алжир	иберо-мавр (Balout 1958: 116) или капсий (Venc1 1991: 220)	младенец	каменное острие с при- тупленным краем	Пробило насквозь ви- сочную кость (на 0,5 см внутри); рана не смертель- ная (следы нарастания кости вокруг раны)	Balout 1958
Колумната, Алжир	капсий	женщина	наконеч- ник стрелы с кремневым вкладышем (пластинка)	В первом поясничном по- звонке	Venc1 1991
Сарай-Нахар- Рай, Индия	ранний мезолит	взрослый мужчина	пластинка с притуплен- ным краем	В 7-м правом ребре	Sharma 1973
Васильев- ка 3, Украина	мезолит 10 тыс. л.н.	взрослый мужчина	обломок кремневого острия с при- тупленным краем	Вошел сзади в 12-е левое ребро на глубину 1 см	Телегин 1961
там же	то же	взрослый мужчина	обломок кремневого острия с при- тупленным краем	Вошел сзади справа и чуть сверху в правый отросток 2-го поясничного позвонка	Телегин 1961

Таблица 1 (окончание).

Памятник	Датировка (культурная или абсолютная)	Возраст и пол	Орудие	Локализация и характер раны	Источник
там же	то же	взрослый мужчина	обломок костяного наконечника с 2 кремневы- ми вкладыша- ми (рис. 8)	Вошел справа и чуть сзади в губчатое тело верхнего поясничного позвонка, рас- кололся вдоль и поперек	Телегин 1961
Волошское, Украина	мезолит	взрослый	пластинка с притуплен- ным краем	В атланте	Даниленко 1955
Власац, Сербия	мезолит, ~ 9,5— 8,5 тыс. л.н.	молодой мужчина	обломок костяного наконечни- ка стрелы или дротика (рис. 9)	Вошел сзади сбоку в левую подвздошную кость и про- бил ее; рана смертельная (смерть наступила не сразу)	Roksandic 2006: 172—173; Roksandic et al. 2006: 342
Скела Кладо- вей, Румыния	мезолит, 9,5— 8,5 тыс. л.н.	взрослый мужчина	обломок костяного наконечника стрелы	Вошел спереди слева и вонзился на 4,1 см в суставную головку левого бедрца	Boroneanț, Nicolaeescu- Ploșor 1990; Roksandic 2006; Bonsall 2008
там же	то же	взрослый индивид	костяной наконечник стрелы	Вошел спереди справа в правое большое крыло сфеноида, проник на 4 см во внутреннюю полость черепца; рана смертельная	Boroneanț, Nicolaeescu- Ploșor 1990
там же	то же	взрослый мужчина	костяной наконечник стрелы	Вошел спереди справа в тело грудного позвонка	Boroneanț, Nicolaeescu- Ploșor 1990
там же	то же	взрослый мужчина	обломок костяного наконечника стрелы	Вошел спереди сбоку в тело позвонка	Boroneanț, Nicolaeescu- Ploșor 1990
Тевьек, Бретань, Франция	мезолит, 8 тыс. л.н.	взрослый мужчина	два кремне- вых острия	В 6-м и 11-м грудных по- звонках	Cordier 1990: 468—469
Моита до Се- бастьяо, Португалия	мезолит	взрослый мужчина	обломок пла- стинки	В пяточной кости	Jackes 2004: 23
Лотагам, Кения	LSA, 9 тыс. л.н.	?	пластинка с притуплен- ным краем из лавы	Вошла вертикально между 2-й и 3-й клиновидными костями стопы	Robbins, Lynch 1978
Богebakкен, Дания	эртебелле, фаза Дирхольм I, 6,3—5,8 тыс. л.н.	молодой мужчина	трапециевид- ное острие	В трубчатой кости (вероят- но, бедренной)	Vencl 1991
там же	то же	молодой мужчина	костяной на- конечник	Между 2-м и 3-м шейными позвонками	Vencl 1991
Скатехольм, Швеция	мезолит, 6,3— 5,9 тыс. л.н.	мужчина	поперечно- усеченный каменный наконечник	В тазу	Vencl 1991

Примечания к таблице:

* Р.Б. Фергюсон (Ferguson 2013: 117) ставит под сомнение плейстоценовый возраст погребений в Джебел Сахаба на том основании, что для них якобы нет прямых дат. Он пишет, что, возможно, они относятся к концу каданской культуры (7 тыс. л.н.) и не являются такими древними (11—12 тыс. л.н.), как полагали исследователи памятника на основании археологических аналогий. Однако на самом деле одна дата есть, и она даже древнее, чем предполагалось: 13740 ± 600 (Pta-116) (Judd 2004: 5).

** По другим данным, последний шейный позвонок (Anderson 1968: 997).

Таблица 2.

**Находки костей плейстоценовых и раннеголоценовых животных
с вонзившимися в них палеолитическими и мезолитическими
наконечниками на археологических памятниках Старого Света***

Место находки	Возраст	Животное	Орудие	Локализация раны	Источник
Умм-эль-Тлель, Сирия	мустье, > 50 тыс. л.н.	осел	леваллуазское острие	позвонок	Voëda et al. 1999
Комб-Буиссон, Франция	ориньяк	крупное животное (бык или лошадь?)	осколок костяно- го наконечника (?)	неопредели- мая кость	по Cordier 1990
Холе Фельс, Германия	ранний граветт, 29 тыс. л.н.	пещерный или бурый медведь	острие кремне- вого наконеч- ника	поперечный отросток груд- ного позвонка	Münzel, Conard 2004
Янская сто- янка, Россия	29— 27 тыс. л.н.	мамонт	кончик алеври- тового наконеч- ника	правая ло- патка	Nikolskiy, Pitulko 2013
там же	то же	мамонт	2 алевроитовых фрагмента, между ними тонкая бивневая щепка	правая ло- патка	Nikolskiy, Pitulko 2013
Костенки 1, Россия	костенковская, 23 тыс. л.н.	мамонт	обломок крем- невого наконеч- ника	ребро	Праслов 1995
Комб Соньер, Франция	солютре, 19 тыс. л.н.	лошадь	кремневый на- конечник	лопатка	Pétillon, Letourneax 2003: 180; Letourneax, Pétillon 2008: 2860, tabl. 12
Кокорево 1, Россия	кокоревская > 15 тыс. л.н.	зубр	острие рогового наконечника с пазом и облом- ком микропла- стинки в нем	лопатка	Абрамова, Гречкина 1985
Ла Гарма, Испания	мадлен, 16,5 тыс. л.н.	лошадь	кремневый об- ломок	нижняя че- люсть	Arias Gabal et al. 2005: 128, 139
Эйзи де Тай- ак, Франция	мадлен	северный олень	фрагмент крем- невого наконеч- ника	позвонок (по- ясничный?)	по Cordier 1990
Шуссенкеле, Германия	мадлен, 15— 14 тыс. л.н.	северный олень	каменный арте- факт	лопатка	Letourneax, Pétillon 2008: 2860, tabl. 12
Бишон, Швейцария	12— 11 тыс. л.н.	бурый медведь	фрагмент(ы) кремневого на- конечника	шейный по- звонок	Morel 1998
Слотценг, Дания	гамбургская или фе- дермессер, 14 тыс. л.н.	северный олень	кремневый на- конечник типа Havelte point	шейный по- звонок	Noe-Nygaard et al. 2007: 85
Мейендорф, Германия	гамбургская, 12,5 тыс. л.н.	северный олень	фрагменты кремневых наконечников и осколки	В 6 костях	Bratlund 1996: 23
Штельмор, Германия	гамбургская, 12 тыс. л.н.	северный олень	фрагменты кремневых наконечников и осколки	в 5 костях	Bratlund 1996: 23
Штельмор, Германия	аренсбург- ская, 11— 10 тыс. л.н.	северный олень	фрагменты кремневых наконечников и осколки	В >27 костях	Bratlund 1996: 23

Таблица 2 (окончание).

Место находки	Возраст	Животное	Орудие	Локализация раны	Источник
Луговское, Россия	14 тыс. л.н.	мамонт	фрагменты кварцитовых вкладышей	позвонок	Зенин и др. 2006
Кесслерлох, Германия	мадлен, 14 тыс. л.н.	северный олень	кремневый вкладыш	нижняя челюсть	Napierala et al. 2010
Монфор, Франция	азиль	олень	кремневая пластина	позвонок	Bégouën et al. 1922
Швенинген, Германия	тарденуаз (по типу острия)	зубр	острие с притупленным краем	таз	по Cordier 1990: 471
Маглелинг, Дания	мезолит, суббореальный период	благородный олень	трапециевидный наконечник стрелы	ребро	Noe-Nygaard 1974
там же	то же	благородный олень	3 мелких кремневых осколка	ребро	Noe-Nygaard 1974
Рингклостер, Дания	эртебелле, атлантический период, 6,5—5,5 тыс. л.н.	благородный олень	осколки кремневого наконечника	поясничный позвонок	Noe-Nygaard 1974
Аамозе, Дания	конгемозе, >7 тыс. л.н.	лось	трапеция или ромб	ребро	по Нужный 2008: 252
Аргус, Дания	конгемозе	благородный олень	подромбовидный микролит	кость (?)	по Нужный 2008: 150
Конгемозе, Дания	конгемозе, атлантический период, 8,5—6,5 тыс. л.н.	благородный олень	асимметричный наконечник стрелы	головка левой плечевой кости	Noe-Nygaard 1974: 224
Альдерсо, Дания	бореальный период, 9,5—8,5 тыс. л.н.	кабан	кремневые осколки	череп и локтевой сустав	Noe-Nygaard 1974
Хенрикс-хольм, Дания	эртебелле, атлантический период	лебедь	трапециевидный наконечник стрелы	плечевая кость	Noe-Nygaard 1974
Свенstrup, Дания	мезолит	благородный олень	мелкий кремневый осколок	ребро	Noe-Nygaard 1974
Виг, Дания	мезолит, пребореальный период > 9 тыс. л.н.	зубр	2 кремня	2 ребра	Noe-Nygaard 1974

Примечания к таблице:

* В таблицу не включено несколько находок, сделанных в основном еще в XIX в., датировка или достоверность которых вызывает сомнения (Рормонд, Бёруэлл, Паултон). Не включена в нее и информация о находках в Ля Кина (мутье) костей оленя (локтевая и позвонок) и тура (фаланга) с застрявшими в них фрагментами кремневых (Martin 1907: 307; 1934: 183—184) и даже костяного (Martin 1934: 183—184) острий. О последнем сообщается, что он вошел слева в позвонок оленя, «кажется, он проник довольно глубоко, примерно на сантиметр, и наружу выступает также на один сантиметр. Положение раны заставляет полагать, что была перерезана брюшная аорта, возникло обильное кровотечение, и быстро последовала смерть животного» (Henri-Martin 1934: 184).

животных на несколько порядков превышает количество костей человеческих: в первом случае счет идет на миллионы, во втором — на тысячи. Кроме того, животные, в отличие от людей, были объектом постоянного промысла, и значительная часть их костей, находимых при раскопках, заведомо представляет собой остатки дичи, добытой с помощью стрел и дротиков, оснащенных каменными и костяными наконечниками.

Делать какие-то определенные и далеко идущие выводы из приведенных данных было бы, наверно, преждевременно. Будущие полевые и камеральные (тщательное изучение старых коллекций) исследования еще могут существенным образом изменить наблюдаемую сейчас картину. Пока же позволено лишь осторожно предположить, что отмеченное выше изменение относительной частоты находок костей людей и животных

Рис. 7. Кебара, ранний натуф. Грудной позвонок человека с застрявшим в нем обломком кремневого орудия (по Bosquentin, Bar-Yosef 2004: 21, fig. 2).

Fig. 7. Kebara. Early natufian. Human thoracic vertebra with an embedded flint fragment (from Bosquentin, Bar-Yosef 2004: 21, fig. 2).

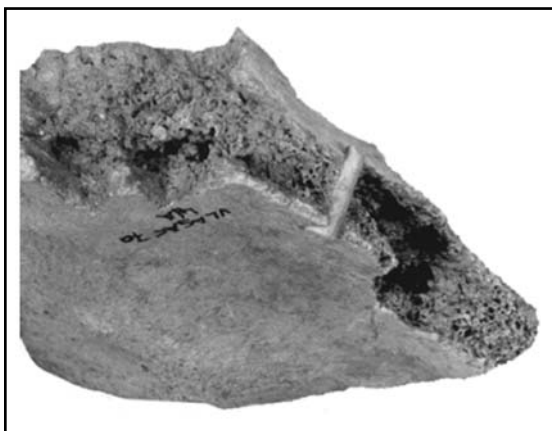

Рис. 9. Власац 4а. Мезолит. Часть подвздошной кости, пробитая костяным наконечником стрелы (по Rocsandic 2004: 66, fig. 15).

Fig. 9. Vlasac 4a. Mesolithic. Part of an ilium embedded into which is a bone point fragment (from Rocsandic 2004: 66, fig. 15).

с вонзившимися в них фрагментами наконечников может быть отражением учащения вооруженных конфликтов и/или изменения их формы начиная с финала позднего палеолита. Такое предположение хорошо согласует-

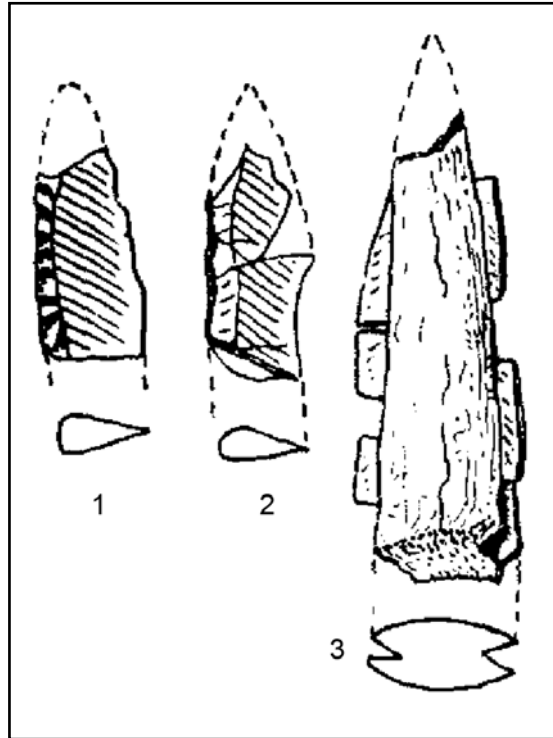

Рис. 8. Обломки кремневых пластин (наконечники стрел?) с притупленным краем (1, 2) и костяного наконечника (копья?) с кремневыми вкладышами (3), найденных в ребре (1) и поясничных позвонках (2, 3) мужских скелетов из могильника Васильевка 3 (по Телегин 1961: 9, рис. 5).

Fig. 8. Vasilievka 3. Early Mesolithic. Fragments of backed flint blades (arrowheads?) (1, 2) and a bone point with flint armatures (3). Found in a rib (1) and lumbar vertebrae (2, 3) of male skeletons (from Telegin 1961: 9, рис. 5).

ся с теоретическими представлениями о социальных трансформациях, имевших место в период так называемой «революции широкого спектра» и в последующее время, когда вынужденный переход к усиленной эксплуатации «низкоранговых» ресурсов во многих регионах должен был повлечь за собой ужесточение территориального поведения и укрепить узы, связывавшие первобытные сообщества с определенными местностями (см., напр.: Вишняцкий 2005: 274—275). Более жесткое территориальное поведение, с одной стороны, и рост численности и плотности населения, с другой, неизбежно вели как к укрупнению и сегментации человеческих сообществ, усложнению их внутренней структуры, так и к усложнению взаимоотношений между разными группами и внутри групп. Конфликты и вооруженные столкновения могли в таких условиях участиться и приобрести более жесткий характер, чем раньше.

Литература

- Аникивич М.В., Тимофеев В.И. 1998. Вооружение и вооруженные конфликты в каменном веке. В: *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Санкт-Петербург: ГЭ, 16—20.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х. 1981. *Мир первых австралийцев*. Москва: Наука.
- Бужилова А.Н. 2004. К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита. В: Бутовская М.Л. (ред.). *Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований*. Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 21—35.
- Бужилова А.П. 2005. *Ното сариенс: История болезни*. Москва: Языки славянской культуры.
- Вишняцкий Л.Б. 2005. *Введение в преисторию*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Вейнерт Г. 1935. *Происхождение человечества*. Москва; Ленинград: Государственное издательство биологической и медицинской литературы. (Пер. с нем. изд. 1932 г.).
- Даниленко В.Н. 1955. Волошский эпипалеолитический могильник. *Советская этнография* 3, 56—61.
- Зенин и др. 2006: Зенин В.И., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х. 2006. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское. *Археология, этнография и антропология Евразии* 1, 41—53.
- Нужний Д.Ю. 2008. *Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців*. Київ: КНТ.
- Праслов Н.Д. 1995. Мамонт в жизни палеолитического человека. *Цитология* 37, 634—635.
- Телегін Д.Я. 1961. Василівський третій некрополь в Надпоріжжі. *Археологія* 13, 3—19.
- Шнирельман В.А. 1994. У истоков войны и мира. В: *Война и мир в ранней истории человечества*. Т. 1. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 9—176.
- Anderson J.E. Late Paleolithic skeletal remains from Nubia. In: F. Wendorf (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Dallas: Fort Burgwin Research Center & Southern Methodist University Press, 996—1040.
- Arias Cabal et al. 2005: Arias Cabal P., Ontañón Peredo R., Álvarez Fernández E., Aparicio M. T., Chauvin A., Clemente Conte I., Cueto Rapado M., González Urquijo J.E., Ibáñez Estévez J.J., Tapia Sagarna J., Teira Mayolini L.C. 2005. La estructura Magdaleniense de La Garma A. Aproximación a la organización espacial de un hábitat paleolítico. En: Ferreira Bicho N. (ed.). *O Paleolítico. Actas do IV Congresso de arqueologia peninsular*. Faro: Universidade do Algarve, 123—141.
- Bachechi et al. 1997: Bachechi L., Fabbri P.-F., Mallegni F. 1997. An arrow-caused lesion in a Late Upper Palaeolithic human pelvis. *CAN* 38, 135—140.
- Bahn P.G., Vertut J. 1988. *Images of the Ice Age*. New York: Facts on File.
- Balout L. 1958. *Algérie préhistorique*. Paris: A. M. G.
- Bar-Yosef O. 2010. Warfare in Levantine Early Neolithic. A hypothesis to be considered. *Neo-Lithics* (1), 6—10.
- Bartosiewicz L., Gál E. 2008. Symptoms of aggression on animal bones from archaeological sites. *Animal welfare, etología és tartástechnológia* 4, 3—25.
- Bello et al. 2011: Bello S.M., Parfitt S.A., Stringer C.B. 2011. Earliest directly-dated human skull-cups. *PLoS ONE* 6 (2): e17026. doi:10.1371/journal.pone.0017026
- Bocquentin F., Bar-Yosef O. 2004. Early Natufian remains: evidence for physical conflict from Mt. Carmel, Israel. *JHE* 47, 19—23.
- Bégouën et al. 1922: Bégouën H., Cugulière, Miquel H. 1922. Vertèbre humaine traversée par une lame en quartzite. *Revue anthropologique* 32, 230—2.
- Behrens H.W. 1978. Der Kampf in der Steinzeit (Ein Diskussionsbeitrag vom Aspekt des Prähistorikers. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* 108, 1—7.
- Belcastro et al. 2010: Belcastro M.G., Condemni S., Mariotti V. 2010. Funerary practices of the Iberomaurusian population of Tafalalt (Tafoughalt, Morocco, 11—12,000 BP): the case of Grave XII. *JHE* 58, 522—532.
- Beltrán A. 1982. *Rock Art of the Spanish Levant. The Imprint of Man*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bettinger R.L. 2013. Effects of the bow on social organization in Western North America. *Evolutionary Anthropology* 22, 118—123.
- Boaz N.T., Ciochon R.L. 2004. Headstrong hominids. *Natural History* 113 (1), 28—34.
- Boaz N.T., Ciochon R.L. 2004a. *Dragon Bone Hill: An Ice-Age Saga of Homo erectus*. New York: Oxford University Press.
- Boëda et al. 1999: Boëda E., Geneste J.M., Griggo C., Mercier N., Muhesen S., Reyss J.L., Taha A., Valladas H. 1999. A Levallois point embedded in the vertebra of a wild ass (*Equus africanus*): hafting, projectiles and Mousterian hunting weapons. *Antiquity* 73, 394—402.
- Boesch C. 2009. *The Real Chimpanzee. Sex Strategies in the Forest*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bökönyi S. 1984. *Animal Husbandry and Hunting in Tâc-Gorsium. The Vertebrate Fauna of a Roman Town*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Boroneanț V., Nicolaescu-Plopșor D. 1990. Lésions traumatiques violentes datant de l'Épipaléolithique tardif du sud-ouest de la Roumanie. *Anthropologie* 28, 55—65.
- Bratlund B. 1996. Hunting strategies in the Late Glacial on Northern Europe: A survey of the faunal evidence. *Journal of World Prehistory* 10, 1—48.
- Brennan M.U. 1991. *Health and Disease in the Middle and Upper Paleolithic of Southwestern France: A Bioarchaeological Study*. Unpublished Ph.D. dissertation. New York University.
- Buzhilova A.P. 2005. The environment and health condition of the Upper Palaeolithic Sunghir people of Russia. *Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science* 24, 413—418.
- Caspari R. 1997. Evidence of pathology on the frontal bone from Gongwangling. *AJPA* 102, 565—568.
- Christensen J. 2004. Warfare in the European Neolithic. *Acta Archaeologica* 75, 129—156.
- Churchill et al. 2009: Churchill S.E., Franciscus R.G., McKean-Peraza H.A., Daniel J.A., Warren B.R. 2009. Shanidar 3 Neandertal rib puncture wound and Paleolithic weaponry. *JHE* 57, 163—178.
- Clottes J., Courtin J. 1994. *La Grotte Cosquer*. Paris: Éditions du Seuil.
- Cordier G. 1990. Blessures préhistoriques animales et humaines avec armes ou projectiles conservés. *Bulletin de la Société préhistorique française* 87, 462—482.

- Dams L. 1984. *Les peintures rupestres du Levant espagnol*. Paris: Picard.
- Defleur et al. 1999: Defleur A., White T., Valensi P., Sli-mak L., Crégur-Bonnoure É. 1999. Neanderthal cannibalism at Moula-Guercy, Ardèche, France. *Science* 286, 128—131.
- Delluc B., Delluc G. 1971. La grotte ornée de Sous-Grand-Lac (Dordogne). *Gallia préhistoire* 14, 245—252.
- Estabrook V.H. 2009. *Sampling biases and new ways of addressing the significance of trauma in Neandertals*. Unpublished Ph.D. dissertation. The University of Michigan.
- Estabrook W.H., Frayer D.W. 2013. Trauma in the Krapina Neandertals: Violence in the Middle Paleolithic? In: C. Knüsel, M. Smith (eds.). *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. London: Routledge, 67—89.
- Ferguson R.B. 2013. Pinkers's List. Exaggerating prehistoric war morality. In: D.P. Fry (ed.). *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford: Oxford University Press, 112—131
- Formicola V. 2007. From the Sunghir children to the Romito dwarf. Aspects of the Upper Paleolithic funerary landscape. *CAn* 48, 446—453.
- Franciscus R. G., Holliday T.W. 2013. Crossroads of the Old World: Late hominin evolution in Western Asia. In: Smith F.H., Ahern J.C.M. (eds.). *The Origins of Modern Humans: Biology Reconsidered*. Hoboken: Wiley, 45—88.
- Guilaine J., Zammit J. 2005. *The Origins of War. Violence in Prehistory*. Malden: Blackwell.
- Guthrie R.D. 2005. *The Nature of Paleolithic Art*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Henry-Gambier D. 2005. Évolution des pratiques funéraires en Italie au Paléolithique supérieur. In: Vialou D., Renault-Mikosky J., Pathou-Mathis M. (eds.). *Comportements des hommes du Paléolithique moyen et supérieur en Europe: territoires et milieux*. Liège: ERAUL 111, 213—29.
- Henry-Gambier D. 2008. Comportement de populations d'Europe au Gravettien: pratiques funéraires et interprétations. *Paleo* 20, 165—204.
- Hernández Pérez et al. 1995: Hernández Pérez M.S., Marse P.F.I., Ferrer E.C. 1995. *Arte rupestre en Alicante*. Alicante: Fundación Banco Exterior.
- Jackes M.K. 2004. *Osteological evidence for Mesolithic and Neolithic violence: Problems of interpretation*. In: Roksandic M. (ed.). *Violent Interactions in the Mesolithic: Evidence and Meaning*. BAR IS 1237. Oxford: Archaeopress, 23—39.
- Judd M. 2004. News from the British Museum. *British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology Annual Review* 5, 5.
- Klaatsch H. 1920. *Der Werdegang der Menschheit und die Entstehung der Kultur*. Berlin: Deutsches Verlagshaus Bong und Co.
- Klima B. 1988. A triple burial from the Upper Paleolithic of Dolni Věstonice, Czechoslovakia. *JHE* 16, 831—835.
- Kosłowski S.K., Sachse-Kosłowska E. 1993. Maszycka Cave: a Magdalenian site in Southern Poland. *Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 40, 115—205.
- LeBlanc S. 2010. Early Neolithic warfare in the Near East and its broader implications. *Neo-Lithics* (1), 40—49.
- Leroi-Gourhan A. 1968. *The art of prehistoric man in Western Europe*. London: Thames & Hudson.
- Letourneux C., Pétilion J.-M. 2008. Hunting lesions caused by osseous projectile points: experimental results and archaeological implications. *JAS* 35, 2849—2862.
- López-Montalvo E. 2011. Violence et mort dans l'art rupestre du Levant: groupes humains et territoire. Dans: Baray L., Honegger M., Dias-Meirinho M.H. (dir.). *L'armement et l'image du guerrier dans les sociétés anciennes: de l'objet à la tombe*. Dijon: Éditions universitaires de Dijon, 19—42.
- Martin H. 1907. *Recherches sur l'évolution du Moustérien dans le gisement de la Quina*. Tome 1. Paris: Schleicher.
- Martin H. 1934. Pathologie osseuse préhistorique. Blessure par arme de jet sur une vertèbre de renne. *Compte-rendu de la 58e session de l'Association française pour l'avancement des sciences*. Rabat, 183—184.
- McCown T.D., Keith A. 1939. *The Stone Age of Mount Carmel*. Vol. 2. *The Fossil Human Remains from the Levalloiso-Mousterian*. Oxford: Clarendon.
- Mezzena F. 1976. Nuova interpretazione delle incisioni parietali paleolitiche della Grotta Addaura a Palermo. *Rivista di scienze preistoriche* 31, 61—85.
- Monk S.J. 1997. Conflict and competition in Spanish prehistory: the role of warfare in societal development from the late fourth to third millennium BC. *Journal of Mediterranean Archaeology* 10 (1), 3—32.
- Morel P. 1998. La grotte du Bichon (La Chaux-de-Fonds, canton de Neuchâtel, Suisse). Dans: *Les derniers chasseurs-cueilleurs du massif jurassien et de ses marges*. Lons-le-Saunier: Centre jurassien du patrimoine, 88—93.
- Münzel S.C., Conard N.J. 2004. Cave bear hunting in the Hohle Fels, a cave site in the Ach Valley, Swabian Jura. *Revue de Paléobiologie* 23 (2): x-xx.
- Napierala et al. 2010: Napierala H., Höneisen M., Trautmann M. 2010. «Stirb an einem anderen Tag» — Schussverletzung eines Rentiers vom Magdalénienfundplatz Kesslerloch bei Thayngen (Kt. Schaffhausen). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 40, 457—466.
- Nash J. 2005. Assessing rank and warfare-strategy in prehistoric hunter-gatherer society: a study of representational warrior figures in rock-art from the Spanish Levant, southeastern Spain. In: Pearson M.P., Thorpe I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence and Slavery in Prehistory*. Proceedings of a Prehistoric Society Conference at Sheffield University. (BAR IS 1374). Oxford: Archaeopress, 75—87.
- Nikolskiy P., Pitulko V. 2013. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting. *JAS* 40, 4189—4197.
- Noe-Nygaard N. 1974. Mesolithic hunting in Denmark illustrated by bone injuries caused by human weapons. *JAS* 1, 217—248.
- Noe-Nygaard et al. 2007: Noe-Nygaard N., Milan J., Hede M.U., Holm J. 2007. A reindeer track from a drill core, and lake basin development of the Late Glacial Lille Slotseng kettle-hole basin, South-East Jylland, Denmark. *Bulletin of the Geological Society of Denmark* 55, 85—95.
- Orschiedt J. 2008. Der Fall Krapina — neue Ergebnisse zur Frage van Kannibalismus beim Neandertaler. *Quartär* 55, 63—81.
- Pétilion J.-M., Letourneux C. 2003. Au retour de la chasse... Observations expérimentales concernant les impacts sur le gibier, la récupération et la maintenance des projectiles dans le Magdalénien supérieur d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques). *Préhistoire Anthropologie*

№1. 2014

- Méditerranéennes* 12, 173—188.
- Pettitt P. 2011. *The Palaeolithic Origins of Human Burial*. London; New York: Routledge.
- Robb J. 2007. *The Early Mediterranean Village. Agency, Material Culture, and Social Change in Neolithic Italy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robbins L.H., Lynch B.M. 1978. New evidence on the use of microliths from the Lake Turkana Basin, East Africa. *CAn* 19, 619—620.
- Roksandic M. 2004. Contextualizing the evidence of violent death in the Mesolithic: burials associated with victims of violence in the Iron Gates Gorge. In: Roksandic M. (ed.). *Evidence and Meaning of Violent Interactions in Mesolithic Europe*. (BAR IS 1237). Oxford: Archaeopress, 53—74.
- Roksandic M. 2006. Violence in the Mesolithic. *Documenta Praehistorica* 33, 165—182.
- Roksandic et al. 2006: Roksandic M., Djurić M., Rakočević Z., Seguin K. 2006. Interpersonal violence at Lepenski Vir Mesolithic/Neolithic complex of the Iron Gates Gorge (Serbia-Romania). *AJPA* 129, 339—348.
- Roper M.K. 1969. A survey of the evidence for intrahuman killing in the Pleistocene. *CAn* 10, 427—59.
- Rosas et al. 2006: Rosas A., Martínez-Maza C., Bastir M., García-Taberner A., Lalueza-Fox C., Huguet R., Ortiz J.E., Julià R., Soler V., Torres T. de, Martínez E., Cañaveras J.C., Sánchez-Moral S., Cuezva S., Lario J., Santamaría D., Rasilla M. de la, Fortea J. 2006. Paleobiology and comparative morphology of a late Neandertal sample from El Sidron, Asturias, Spain. *PNAS* 103, 19266—19271.
- Ruiz et al. 2006: Ruiz J.F., Mas M., Hernanz A., Rowe M.W., Steelman K.L., Gavira J.M. 2006. First radiocarbon dating of oxalate crusts over Spanish prehistoric rock art. *International Newsletter on Rock Art* 46, 1—5.
- Schulting R.J., Fibiger L. (eds.). 2012. *Sticks, Stones, and Broken Bones. Neolithic Violence in a European Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Shang H., Trinkaus E. 2008. An ectocranial lesion on the Middle Pleistocene human cranium from Hulu Cave, Nanjing, China. *AJPA* 135, 431—437.
- Sharma G.R. 1973. Mesolithic lake cultures in the Gan-ga valley, India. *PPS* 39, 129—146.
- Smith et al. 2007: Smith M.J., Brickley M.B., Leach S.L. Experimental evidence for lithic projectile injuries: improving identification of an under-recognised phenomenon. *JAS* 34, 540—543.
- Stock et al. 2005: Stock J.T., Pfeiffer S.K., Chazan M., Janetsky J. 2005. F-81 skeleton from Wadi Mataha, Jordan, and its bearing on human variability in the Epipaleolithic of the Levant. *AJPA* 128, 453—465.
- Таçon P., Chippindale C. 1994. Australia's ancient warriors: changing depictions of fighting in the rock art of Arnhem Land, N.T. *Cambridge Archaeological Journal* 4, 211—248.
- Taylor T. 2002. *The Buried Soul: How Humanity Invented Death*. Boston, MA: Beacon Press.
- Tillier A.-M. 1999. *Les enfants Moustériens de Qafzeh: Interpretation phylogénétique et paléoauxologique*. Paris: CNRS.
- Trinkaus E., Zimmerman M.R. 1982. Trauma among the Shanidar Neandertals. *AJPA* 57, 61—76.
- Underhill A.P. 1989. Warfare during the Chinese Neolithic: A review of the evidence. In: Tkaczuk D.C., Vivian B.C. (eds.). *Cultures in Conflict: Current Archaeological Perspectives*. Calgary: University of Calgary Archaeological Association, 229—240.
- Van Gurp et al. 1990: Van Gurp G., Hutchinson T.J., Alto W.A. 1990. Arrow wound management in Papua New Guinea. *The Journal of Trauma* 30, 183—188.
- Vencl S. 1984. War and warfare in archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 3, 116—132.
- Vencl S. 1991. Interprétation des blessures causées par les armes au Mésolithique. *L'Anthropologie* 95, 219—228.
- Vencl S. 1999. Stone Age warfare. In: Carman J., Harding A. (eds.). *Ancient Warfare: Archaeological Perspectives*. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 57—72.
- Walker P.L. 2001. A bioarchaeological perspective on the history of violence. *ARA* 30, 573—596.
- Webb S. 1995. *Palaeopathology of aboriginal Australians. Health and disease across a hunter-gatherer continent*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weidenreich F. 1943. *The skull of Sinanthropus pekinensis. A comparative study on a primitive hominid skull*. Paleontologia Sinica New Series D 10, iii-484.
- Wendorf F. 1968. Site 117: A Nubian Final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan. In: Wendorf F. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Dallas: Fort Burgwin Research Center & Southern Methodist University Press, 954—995.
- Wendorf F., Schild R. 1986. *The Wadi Kubbania Skeleton: A Late Paleolithic Burial from Southern Egypt*. Dallas: Southern Methodist University Press.
- Wu et al. 2011: Wu X.-J., Schepartz L.A., Liu W., Trinkaus E. 2011. Antemortem trauma and survival in the late Middle Pleistocene human cranium from Maba, South China. *PNAS* 108 (49), 19558—19662.
- Zollikofer et al. 2002: Zollikofer C.P.E., Ponce de Leon M.S., Vandermeersch B., Lévêque F. 2002. Evidence for interpersonal violence in the St. Cesaire Neanderthal. *PNAS* 99, 6444—6448.

References

- Anikovich, M. V., Timofeev, V. I. 1998. In *Voennaia arkhéologija. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoj i sotsial'noj perspektive (Archaeology of war and warfare in historical and social perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage, 16—20 (in Russian).
- Berndt, R. M., Berndt, K. Kh. 1981. *Mir pervykh avstraliitsev (The world of the first Australians)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Buzhilova, A. N. 2004. In *Etologija cheloveka i smezhnye discipliny. Sovremennye metody issledovaniia (Ethnology of the man and adjacent disciplines: modern research methods)*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 21—35 (in Russian).
- Buzhilova, A. P. 2005. *Homo sapiens: Istoriia bolezni (Homo sapiens: A history of the illness)*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (in Russian).
- Vishnyatsky, L. B. 2005. *Vvedenie v preistoriiu (Introduction to Pre-History)*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
- Weinert, H. 1935. *Proiskhozhenie chelovechestva (Ursprung der Menschheit)*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoi i meditsinskoi literatury (in Russian).
- Danilenko, V. N. 1955. In *Sovetskaja etnografiia (Soviet Ethnography)* 3. Moscow: Nauka, 56—61 (in Russian).
- Zenin, V. I., Leshchinsky, S. V., Zolotarev, K. V., Grutes, P. M., Nado, M.-Kh. 2006. In *Arkhéologija, etnografiia i antropologija Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* (1), 41—53 (in Russian).
- Nuzhnyj, D. Yu. 2008. *Rozvytok mykrolitychnoi tekhniky v kam'yanomu vitsi (Development of the Microlithic Tech-*

- nique in the Stone Age). Kiev: KNT (in Ukrainian).
- Praslov, N. D. 1995. In *Tsitologiia (Cytology)* 37, 634—635 (in Russian).
- Telegin, D. Ya. 1961. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 13, 3—19 (in Ukrainian).
- Shnirelman, V. A. 1994. In *Voina i mir v rannei istorii chelovechestva (War and peace in the early history of mankind)*. Vol. 1. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography or N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, 9—176 (in Russian).
- Anderson, J.E. Late Paleolithic skeletal remains from Nubia. In: F. Wendorf (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Dallas: Fort Burgwin Research Center & Southern Methodist University Press, 996—1040.
- Arias Cabal, P., Ontañón Peredo, R., Álvarez Fernández, E., Aparicio, M.T., Chauvin, A., Clemente Conte, I., Cueto Rapado, M., González Urquijo, J.E., Ibáñez Estévez, J.J., Tapia Sagarna, J., Teira Mayolini, L.C. 2005. La estructura Magdaleniense de La Garma A. Aproximación a la organización espacial de un hábitat paleolítico. En: Ferreira Bicho N. (ed.). *O Paleolítico. Actas do IV Congresso de arqueologia peninsular*. Faro: Universidade do Algarve, 123—141.
- Bachechi, L., Fabbri, P.-F., Mallegni, F. 1997. An arrow-caused lesion in a Late Upper Palaeolithic human pelvis. *CAJ* 38, 135—140.
- Bahn, P.G., Vertut, J. 1988. *Images of the Ice Age*. New York: Facts on File.
- Balout, L. 1958. *Algérie préhistorique*. Paris: A.M.G.
- Bar-Yosef, O. 2010. Warfare in Levantine Early Neolithic. A hypothesis to be considered. *Neo-Lithics* 1/10, 6—10.
- Bartosiewicz, L., Gál, E. 2008. Symptoms of aggression on animal bones from archaeological sites. *Animal welfare, etología és tartástechnológia* 4, 3—25.
- Bello, S.M., Parfitt, S.A., Stringer, C.B. 2011. Earliest directly-dated human skull-cups. *PLoS ONE* 6 (2): e17026. doi:10.1371/journal.pone.0017026
- Bocquentin, F., Bar-Yosef, O. 2004. Early Natufian remains: evidence for physical conflict from Mt. Carmel, Israel. *JHE* 47, 19—23.
- Bégouën, H., Cugulières Miquel, H. 1922. Vertèbre humaine traversée par une lame en quartzite. *Revue anthropologique* 32, 230—2.
- Behrens, H.W. 1978. Der Kampf in der Steinzeit (Ein Diskussionsbeitrag vom Aspekt des Prähistorikers. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* 108, 1—7.
- Belcastro, M.G., Condemni, S., Mariotti, V. 2010. Funerary practices of the Iberomaurusian population of Tafouhalt (Tafoughalt, Morocco, 11—12,000 BP): the case of Grave XII. *JHE* 58, 522—532.
- Beltrán, A. 1982. *Rock Art of the Spanish Levant. The Imprint of Man*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bettinger, R.L. 2013. Effects of the bow on social organization in Western North America. *Evolutionary Anthropology* 22, 118—123.
- Boaz, N.T., Ciochon, R.L. 2004. Headstrong hominids. *Natural History* 113 (1), 28—34.
- Boaz, N.T., Ciochon, R.L. 2004a. *Dragon Bone Hill: An Ice-Age Saga of Homo erectus*. New York: Oxford University Press.
- Boëda, E., Geneste, J.M., Griggo, C., Mercier, N., Muhesen, S., Reyss, J.L., Taha, A., Valladas, H. 1999. A Levallois point embedded in the vertebra of a wild ass (*Equus africanus*): hafting, projectiles and Mousterian hunting weapons. *Antiquity* 73, 394—402.
- Boesch, C. 2009. *The Real Chimpanzee. Sex Strategies in the Forest*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bökönyi, S. 1984. *Animal Husbandry and Hunting in TÁC-Gorsium. The Vertebrate Fauna of a Roman Town*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Boroneanț, V., Nicolaescu-Ploșșor, D. 1990. Lésions traumatiques violentes datant de l'Épipaléolithique tardif du sud-ouest de la Roumanie. *Anthropologie* 28, 55—65.
- Bratlund, B. 1996. Hunting strategies in the Late Glacial on Northern Europe: A survey of the faunal evidence. *Journal of World Prehistory* 10, 1—48.
- Brennan, M.U. 1991. *Health and Disease in the Middle and Upper Paleolithic of Southwestern France: A Bioarcheological Study*. Unpublished Ph.D. dissertation. New York University.
- Buzhilova, A.P. 2005. The environment and health condition of the Upper Palaeolithic Sunghir people of Russia. *Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science* 24, 413—418.
- Caspari, R. 1997. Evidence of pathology on the frontal bone from Gongwangling. *AJPA* 102, 565—568.
- Christensen, J. 2004. Warfare in the European Neolithic. *Acta Archaeologica* 75, 129—156.
- Churchill, S.E., Franciscus, R.G., McKean-Peraza, H.A., Daniel, J.A., Warren, B.R. 2009. Shanidar 3 Neandertal rib puncture wound and Paleolithic weaponry. *JHE* 57, 163—178.
- Clottes, J., Courtin, J. 1994. *La Grotte Cosquer*. Paris: Éditions du Seuil.
- Cordier, G. 1990. Blessures préhistoriques animales et humaines avec armes ou projectiles conservés. *Bulletin de la Société préhistorique française* 87, 462—482.
- Dams, L. 1984. *Les peintures rupestres du Levant espagnol*. Paris: Picard.
- Defleur, A., White, T., Valensi, P., Slimak, L., Crégur-Bonnoure, É. 1999. Neanderthal cannibalism at Moula-Guercy, Ardèche, France. *Science* 286, 128—131.
- Delluc, B., Delluc, G. 1971. La grotte ornée de Sous-Grand-Lac (Dordogne). *Gallia préhistoire* 14, 245—252.
- Estabrook, V.H. 2009. *Sampling biases and new ways of addressing the significance of trauma in Neandertals*. Unpublished Ph.D. dissertation. The University of Michigan.
- Estabrook, W.H., Frayer, D.W. 2013. Trauma in the Krapina Neandertals: Violence in the Middle Paleolithic? In: C. Knüsel, M. Smith (eds.). *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. London: Routledge, 67—89.
- Ferguson, R.B. 2013. Pinker's List. Exaggerating prehistoric war morality. In: D.P. Fry (ed.). *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford: Oxford University Press, 112—131.
- Formicola, V. 2007. From the Sunghir children to the Romito dwarf. Aspects of the Upper Paleolithic funerary landscape. *CAJ* 48, 446—453.
- Franciscus, R.G., Holliday, T.W. 2013. Crossroads of the Old World: Late hominin evolution in Western Asia. In: Smith F.H., Ahem J.C.M. (eds.). *The Origins of Modern Humans: Biology Reconsidered*. Hoboken: Wiley, 45—88.
- Guilaine, J., Zammit, J. 2005. *The Origins of War. Violence in Prehistory*. Malden: Blackwell.
- Guthrie, R.D. 2005. *The Nature of Paleolithic Art*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Henry-Gambier, D. 2005. Évolution des pratiques funéraires en Italie au Paléolithique supérieur. In: Vialou D., Renault-Mikosky J., Pathou-Mathis M. (eds.). *Comportements des hommes du Paléolithique moyen et supérieur en Europe: territoires et milieux*. Liège: ERAUL 111, 213—29.
- Henry-Gambier, D. 2008. Comportement de populations d'Europe au Gravettien: pratiques funéraires et interprétations. *Paleo* 20, 165—204.
- Hernández Pérez, M.S., Marset, P.F.I., Ferrer, E.C. 1995. *Arte rupestre en Alicante*. Alicante: Fundación Banco Exterior.
- Jackes, M.K. 2004. *Osteological evidence for Mesolithic and Neolithic violence: Problems of interpretation*. In: Roksandic M. (ed.). *Violent Interactions in the Mesolithic: Evidence and Meaning*. BAR IS 1237. Oxford: Archaeopress, 23—39.
- Judd, M. 2004. News from the British Museum. *British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology Annual Review* 5, 5.
- Klaatsch, H. 1920. *Der Werdegang der Menschheit und die Entstehung der Kultur*. Berlin: Deutsches Verlagshaus Bong und Co.
- Klima, B. 1988. A triple burial from the Upper Paleolithic of Dolní Věstonice, Czechoslovakia. *JHE* 16, 831—835.

№1. 2014

- Kosłowski, S.K., Sachse-Kosłowska, E. 1993. Maszycka Cave: a Magdalenian site in Southern Poland. *Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 40, 115—205.
- LeBlanc, S. 2010. Early Neolithic warfare in the Near East and its broader implications. *Neo-Lithics* 1/10, 40—49.
- Leroi-Gourhan, A. 1968. *The art of prehistoric man in Western Europe*. London: Thames & Hudson.
- Letourneux, C., Pétilion, J.-M. 2008. Hunting lesions caused by osseous projectile points: experimental results and archaeological implications. *JAS* 35, 2849—2862.
- López-Montalvo, E. 2011. Violence et mort dans l'art rupestre du Levant: groupes humains et territoire. Dans: Baray L., Honegger M., Dias-Meirinho M.H. (dir.). *L'armement et l'image du guerrier dans les sociétés anciennes: de l'objet à la tombe*. Dijon: Éditions universitaires de Dijon, 19—42.
- Martin, H. 1907. *Recherches sur l'évolution du Moustérien dans le gisement de la Quina*. Tome 1. Paris: Schleicher.
- Martin, H. 1934. Pathologie osseuse préhistorique. Blessure par arme de jet sur une vertèbre de renne. *Compte-rendu de la 58e session de l'Association française pour l'avancement des sciences*. Rabat, 183—184.
- McCown, T.D., Keith, A. 1939. *The Stone Age of Mount Carmel*. Vol. 2. *The Fossil Human Remains from the Levallois-Mousterian*. Oxford: Clarendon.
- Mezzena, F. 1976. Nuova interpretazione delle incisioni parietali paleolitiche della Grotta Addaura a Palermo. *Rivista di scienze preistoriche* 31, 61—85.
- Monk, S.J. 1997. Conflict and competition in Spanish prehistory: the role of warfare in societal development from the late fourth to third millennium BC. *Journal of Mediterranean Archaeology* 10 (1), 3—32.
- Morel, P. 1998. La grotte du Bichon (La Chau-de-Fonds, canton de Neuchâtel, Suisse). Dans: *Les derniers chasseurs-cueilleurs du massif jurassien et de ses marges*. Lons-le-Saunier: Centre jurassien du patrimoine, 88—93.
- Münzel, S.C., Conard N.J. 2004. Cave bear hunting in the Hohle Fels, a cave site in the Ach Valley, Swabian Jura. *Revue de Paléobiologie* 23 (2): x-xx.
- Napierala, H., Höneisen, M., Trautmann, M. 2010. «Stirb an einem anderen Tag» — Schussverletzung eines Rentiers vom Magdalénienfundplatz Kesslerloch bei Thayngen (Kt. Schaffhausen). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 40, 457—466.
- Nash, J. 2005. Assessing rank and warfare-strategy in prehistoric hunter-gatherer society: a study of representational warrior figures in rock-art from the Spanish Levant, southeastern Spain. In: Pearson M.P., Thorpe I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence and Slavery in Prehistory*. Proceedings of a Prehistoric Society Conference at Sheffield University. (BAR IS 1374). Oxford: Archaeopress, 75—87.
- Nikolskiy, P., Pitulko, V. 2013. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting. *JAS* 40, 4189—4197.
- Noe-Nygaard, N. 1974. Mesolithic hunting in Denmark illustrated by bone injuries caused by human weapons. *JAS* 1, 217—248.
- Noe-Nygaard, N., Milan, J., Hede, M.U., Holm, J. 2007. A reindeer track from a drill core, and lake basin development of the Late Glacial Lille Slotseng kettle-hole basin, South-East Jylland, Denmark. *Bulletin of the Geological Society of Denmark* 55, 85—95.
- Orschiedt, J. 2008. Der Fall Krapina — neue Ergebnisse zur Frage van Kannibalismus beim Neandertaler. *Quartär* 55, 63—81.
- Pétilion, J.-M., Letourneux, C. 2003. Au retour de la chasse... Observations expérimentales concernant les impacts sur le gibier, la récupération et la maintenance des projectiles dans le Magdalénien supérieur d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques). *Préhistoire Anthropologie Méditerranéennes* 12, 173—188.
- Pettitt, P. 2011. *The Palaeolithic Origins of Human Burial*. London; New York: Routledge.
- Robb, J. 2007. *The Early Mediterranean Village. Agency, Material Culture, and Social Change in Neolithic Italy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robbins, L.H., Lynch, B.M. 1978. New evidence on the use of microliths from the Lake Turkana Basin, East Africa. *CAN* 19, 619—620.
- Roksandic, M. 2004. Contextualizing the evidence of violent death in the Mesolithic: burials associated with victims of violence in the Iron Gates Gorge. In: Roksandic M. (ed.). *Evidence and Meaning of Violent Interactions in Mesolithic Europe*. (BAR IS 1237). Oxford: Archaeopress, 53—74.
- Roksandic, M. 2006. Violence in the Mesolithic. *Documenta Praehistorica* 33, 165—182.
- Roksandic, M., Djurić, M., Rakočević, Z., Seguin, K. 2006. Interpersonal violence at Lepenski Vir Mesolithic/Neolithic complex of the Iron Gates Gorge (Serbia-Romania). *AJPA* 129, 339—348.
- Roper, M.K. 1969. A survey of the evidence for intrahuman killing in the Pleistocene. *CAN* 10, 427—59.
- Rosas, A., Martínez-Maza, C., Bastir, M., García-Tabernero, A., Lalueza-Fox, C., Huguet, R., Ortiz, J.E., Julià, R., Soler, V., Torres, T. de, Martínez, E., Cañaveras, J.C., Sánchez-Moral, S., Cuezva, S., Lario, J., Santamaría, D., Rasilla, M. de la, Fortera, J. 2006. Paleobiology and comparative morphology of a late Neandertal sample from El Sidron, Asturias, Spain. *PNAS* 103, 19266—19271.
- Ruiz, J.F., Mas, M., Hernanz, A., Rowe, M.W., Steelman, K.L., Gavrila, J.M. 2006. First radiocarbon dating of oxalate crusts over Spanish prehistoric rock art. *International Newsletter on Rock Art* 46, 1—5.
- Schulting, R.J., Fibiger, L. (eds.). 2012. *Sticks, Stones, and Broken Bones. Neolithic Violence in a European Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Shang, H., Trinkaus, E. 2008. An ectocranial lesion on the Middle Pleistocene human cranium from Hulu Cave, Nanjing, China. *AJPA* 135, 431—437.
- Sharma, G.R. 1973. Mesolithic lake cultures in the Ganga valley, India. *PPS* 39, 129—146.
- Smith, M.J., Brickley, M.B., Leach, S.L. Experimental evidence for lithic projectile injuries: improving identification of an under-recognized phenomenon. *JAS* 34, 540—543.
- Stock, J.T., Pfeiffer, S.K., Chazan, M., Janetsky, J. 2005. F-81 skeleton from Wadi Mataha, Jordan, and its bearing on human variability in the Epipaleolithic of the Levant. *AJPA* 128, 453—465.
- Taçon, P., Chippindale, C. 1994. Australia's ancient warriors: changing depictions of fighting in the rock art of Arnhem Land, N.T. *Cambridge Archaeological Journal* 4, 211—248.
- Taylor, T. 2002. *The Buried Soul: How Humanity Invented Death*. Boston, MA: Beacon Press.
- Tillier, A.-M. 1999. *Les enfants Moustériens de Qafzeh: Interprétation phylogénétique et paléoaurologique*. Paris: CNRS.
- Trinkaus, E., Zimmerman, M.R. 1982. Trauma among the Shanidar Neandertals. *AJPA* 57, 61—76.
- Underhill, A.P. 1989. Warfare during the Chinese Neolithic: A review of the evidence. In: Tkaczuk, D.C., Vivian, B.C. (eds.). *Cultures in Conflict: Current Archaeological Perspectives*. Calgary: University of Calgary Archaeological Association, 229—240.
- Van Gorp, G., Hutchinson, T.J., Alto, W.A. 1990. Arrow wound management in Papua New Guinea. *The Journal of Trauma* 30, 183—188.
- Vencl, S. 1984. War and warfare in archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 3, 116—132.
- Vencl, S. 1991. Interprétation des blessures causées par les armes au Mésolithique. *L'Anthropologie* 95, 219—228.
- Vencl, S. 1999. Stone Age warfare. In: Carman, J., Harding, A. (eds.). *Ancient Warfare: Archaeological Perspectives*. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 57—72.
- Walker, P.L. 2001. A bioarchaeological perspective on the history of violence. *ARA* 30, 573—596.
- Webb, S. 1995. *Palaeopathology of aboriginal Australians. Health and disease across a hunter-gatherer continent*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weidenreich, F. 1943. *The skull of Sinanthropus pekinensis. A comparative study on a primitive hominid skull*. Paleontologia Sinica New Series D 10, iii-484.

- Wendorf, F. 1968. Site 117: A Nubian Final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan. In: Wendorf F. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Dallas: Fort Burgwin Research Center & Southern Methodist University Press, 954—995.
- Wendorf, F., Schild, R. 1986. *The Wadi Kubbania Skeleton: A Late Paleolithic Burial from Southern Egypt*. Dallas: Southern Methodist University Press.
- Wu, X.-J., Schepartz, L.A., Liu, W., Trinkaus, E. 2011. Antemortem trauma and survival in the late Middle Pleistocene human cranium from Maba, South China. *PNAS* 108 (49), 19558—19662.
- Zollikofer, C.P.E., Ponce de Leon, M.S., Vandermeersch, B., Lévêque, F. 2002. Evidence for interpersonal violence in the St. Cesaire Neanderthal. *PNAS* 99, 6444—6448.

Статья поступила в номер 31 сентября 2013 г.

Leonid Vishnyatsky (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Leonid Vishnyatsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Вишняцкий Леонид Борисович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: lvishn@yandex.ru

Address: ¹ Dvortsovaya Nab., 18, Saint Petersburg, 191186, Russia